

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2011

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. ТАКОВЫ МОИ ПРИНЦИПЫ
3. ГУЛАГОВСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАМЕНЬ
4. ФЕНОМЕН БОРОВИЧЕЙ
5. ПОЛЬША В МОЕЙ ЖИЗНИ
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ПОЛОСЫ ЭКЗИСТЕНЦИИ
8. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ ВАРШАВЫ
9. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. Я ХОТЕЛ ОТКРЫТЬ ДРУГУЮ РОССИЮ
12. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ О РОССИИ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Польша, Германия и Франция будут развивать европейскую оборонную политику — такое решение приняли вчера на саммите Веймарского треугольника в варшавском Виляновском дворце президенты Бронислав Коморовский и Николя Саркози, а также канцлер Ангела Меркель. На следующую встречу треугольника планируется пригласить президента России Дмитрия Медведева». («Газета выбора», 8 февр.)
- «“У Веймарского треугольника существует добрая традиция: ввиду специализации Польши и ее интереса к восточному вектору политики, на наши саммиты приглашаются политики из других стран. Поэтому было бы желательно организовать встречу с участием президента России”, — заявил Бронислав Коморовский. Это предложение с энтузиазмом поддержал президент Франции». («Жечпосполита», 8 февр.)
- «Бронислав Коморовский считает возобновление активной работы Веймарского треугольника одной из своих первоочередных задач (...) Веймарский треугольник был создан в 1991 г. для оказания Польше поддержки в ее стремлении вступить в НАТО и ЕС. После того как обе эти цели были достигнуты, сотрудничество практически прекратилось. В последний раз три лидера встретились в 2006 г. в немецком поселке Метлах. Решающий удар по Веймарскому треугольнику нанес президент Лех Качинский, который в 2008 г. отменил планировавшийся саммит». (Войцех Лоренц, «Жечпосполита», 5–6 февр.)
- «Интенсифицировать работу Веймарского треугольника в области безопасности и обороны удалось еще некоторое время назад. В декабре министры обороны и иностранных дел стран-членов треугольника подписали совместное обращение, в котором определили свои приоритеты в данной области (...) Треугольник обсуждает также вопросы, связанные с сельским хозяйством. Польша заинтересована в том, чтобы он занялся и экономическими проблемами». («Польска», 7 февр.)
- «Реактивация Веймарского треугольника происходит в переломный момент — Берлин и Париж стремятся разделить

страны Евросоюза на две категории. Поэтому сотрудничество в рамках Веймарского треугольника — это для Польши лишь утешительный приз. Мы на многие годы останемся за дверями эксклюзивного клуба, куда войдут страны Еврозоны (...) Вчера на встрече с Коморовским (...) канцлер Германии сказала, что будут проводиться отдельные саммиты зоны евро — т.е. 17, а не 27 стран ЕС». (Енджей Белецкий, «Дзенник — Газета правна», 8 февр.)

- «Если Польша хочет вступить в зону евро, она должна прежде всего выполнить критерии — проблемой остается дефицит государственных финансов, который в три раза выше допустимого брюссельскими нормами». («Жечпосполита», 8 февр.)

- Президент Украины Виктор Янукович в Варшаве: «Мы остаемся добрыми соседями и стратегическими партнерами. Польша — наш крупнейший торговый партнер в Центральной Европе. За последние десять месяцев прошлого года товарооборот превысил 5 млрд. долларов. Это пятое место среди торговых партнеров Украины, но это всё еще мало. Я рад, что польские инвестиции на Украине превысили миллиард долларов. Мы должны сосредоточиться на диверсификации поставок нефти и газа, развитии транспортных коридоров для энергетического сырья, приграничном сотрудничестве и строительстве польского отрезка нефтепровода Одесса — Броды». («Газета wyborча», 4 февр.)

- «“Мы ожидаем освобождения всех арестованных и снятия с них политически мотивированных обвинений”, — сказал иностранным журналистам Радослав Сикорский после конференции «Солидарность с Белоруссией» (...) Около 40 представителей правительств, в т.ч. министры иностранных дел Польши, Швеции, Эстонии и Румынии, говорили вчера в Варшаве о помощи белорусскому гражданскому обществу. Министр Сикорский упомянул общую сумму 87 млн. евро, из которых 15,6 млн. выделила Еврокомиссия». («Жечпосполита», 3 февр.)

- «Отмена визового сбора касается только тех граждан Белоруссии, которые собираются пребывать на территории Польши более 90 дней — студентов, лиц, работающих в Польше, а также обладателей Карты поляка. Все остальные должны получать шенгенскую визу, которая будет, как и раньше, стоить 60 евро, т.е. 17% средней белорусской зарплаты». («Дзенник — Газета правна», 19 янв.)

• «Если бы умерший четыре года назад Борис Ельцин был еще жив, то во вторник ему исполнилось бы 80 лет (...) У нас есть много поводов помянуть Ельцина добрым словом. Если бы 20 лет назад, после августовского путча власть в Москве захватили твердолобые, СССР превратился бы в большие Балканы. А щепки от рубки дров у большого соседа попали бы и в нас. Однако Ельцин не допустил этого. При нем российская армия покинула нашу страну. Это он показал нам скрывавшиеся его предшественниками документы, доказывающие виновность Сталина в катынском преступлении». (Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 28 янв.)

• «По словам президента Дмитрия Медведева, ему очень грустно слышать, что четверть российских граждан до сих пор считает документы, свидетельствующие о виновности Сталина и НКВД в убийстве польских офицеров в 1940 году, фальсификацией. Он сказал, что следует продолжать «разъяснительную работу» по катынскому делу». («Жечпосполита», 3 февр.)

• «Мы в Польше по-разному смотрим на Россию и ее кавказскую политику — часто с беспокойством, часто с неодобрением. Однако мы должны сообща осуждать теракты, жертвами которых становятся незащищенные жители российских городов (...) Российскому народу, который пал жертвой бандитской жестокости, мы шлем слова сочувствия и солидарности в горе», — Адам Михник. («Газета выборча», 26 янв.)

• «Польские национальные интересы требуют сотрудничества с властями России. Ввиду присутствия во власти выходцев из КГБ — Путина и его ближайшего окружения — сотрудничество это крайне затруднено (...) Однако не следует ли придать его освещению те масштабы, которых оно заслуживает, и подчеркнуть его вынужденный прагматизм без союза униженности? (...) Какая новая угроза нависла над нашей страной, чтобы польский премьер отказывал в праве на въезд в наше свободное и суверенное государство члену чеченского эмигрантского правительства Ахмеду Закаеву? (...) В 1998 г. (...) Польшу посетил Аслан Масхадов, президент той же борющейся за независимость Чечни. Тогда он даже выступил в польском Сейме (...) Закаев продолжает дело Масхадова. Откуда же эта перемена в отношении к беженцу, представляющему страну, из которой жители бегут, как с оккупированной территории?» — Кристина Курчаб-Редлих, репортер, многолетний корреспондент польских СМИ в России. («Жечпосполита», 7 февр.)

• «Благодаря своей активности и заслугам Вы стали послом Польши в России и вместе с тем — России в Польше. Польша по-прежнему очень нуждается в Вас», — написал проф. Ежи Помяновскому президент Бронислав Коморовский. Письмо юбиляру зачитал Генрик Вуец во время празднования 90-летия профессора». («Газета wyborcza», 10 февр.)

• «Кто из наших соседей самый симпатичный? — поинтересовался у литовцев популярный литовский портал «Дельфи» (...) 63% читателей ответили, что латыши. На втором месте оказались россияне (13%), на третьем — белорусы (8,8%), на последнем — поляки (8,5%)». («Пшеглэнд православный», январь)

• «В 2010 г. ВВП Польши вырос более чем на 3,7%, а в 2011 г. можно ожидать дальнейшего ускорения темпов экономического роста, сказал в понедельник министр финансов Яцек Ростовский». («Дзенник — Газета правна», 4 янв.)

• «Объем сбережений, отложенных домашними хозяйствами, вырос в прошлом году на 110 млрд. злотых (...) На банковских счетах, в пенсионных фондах, акциях и облигациях поляки собрали почти 908 млрд. злотых. Это означает, что в кошельке среднестатистического поляка находится 23,8 тыс. злотых. Это почти на 14% больше, чем в конце 2009 года. Следовательно, можно подсчитать, что общий объем сбережений составляет около 63% ВВП. К концу 2009 г. это соотношение было на 3% хуже (...) Каждый житель Бельгии имеет почти 85 тыс. евро сбережений». («Жечпосполита», 5-6 февр.)

• «В Польше более 2 млн. безработных (...) Министерство труда огласило предварительные данные по безработице. В январе она выросла до 13,1% — на 0,8% всего за месяц. Год назад она составляла 12,9%. Министерство напоминает, что 12 месяцев назад, в конце 2009 — начале 2010 г., произошел такой же скачок — с 12,1 до 12,9%». («Жечпосполита», 5-6 февр.)

• «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в польских учреждениях работает уже более 462,9 тыс. человек (...) В 2009 г. администрация приняла на работу 26 тыс. чиновников. В 2008 — 13 тысяч. При предыдущем правительстве «Права и справедливости» (ПиС), проработавшем немногим более двух лет, учреждения приняли на работу почти 50 тыс. человек. Если такой темп сохранится (...) то уже в конце 2011 г. у нас будет почти полмиллиона чиновников. В 1990 г. их было 159 тысяч». («Газета wyborcza», 8 февр.)

• «В Польше открываются все новые торговые сети. Торговля переместилась в супермаркеты и интернет (...) Маленькие магазины разоряются. В 2010 г. закрылось более 7 тыс. торговых точек. В настоящий момент зарегистрировано 364 тыс. точек. К 2020 г. число магазинов может составить около 300 тысяч». («Дзенник — Газета правна», 3 февр.)

• «После Нового года производители макарон заявили, что будут вынуждены поднять цены на 25%, так как ровно настолько подорожала мука. Пекари обещают еще большее повышение цен на хлеб — по мнению Казимежа Чекая из Кракова, цена буханки хлеба, которая прошлым летом стоила 2,5 злотых, этим летом может достигнуть 5 злотых». («Газета wyborcza», 4 февр.)

• «Что общего у революций в Тунисе и Египте с выборами в Польше? Растут цены на продукты питания. Почти наверняка еда будет еще дороже, а это не предвещает правительству ничего хорошего (...) Причины дороговизны имеют структурный характер: людей на земле всё больше — нас уже шесть миллиардов, а в 2030 г. будет восемь; за последние 20 лет несколько сот миллионов (!) людей переместились в средний класс. Они едят больше мяса и молочных продуктов, чем их родители, — а полчища коров и свиней нужно чем-то кормить. Поэтому потребности в кормовом зерне растут быстрее, чем количество людей в мире; энергия всё дороже, следовательно, и производство продуктов питания — тоже (...) Так что выхода нет — подорожания будут (...) Поляки намного богаче египтян, но намного беднее немцев — в среднем мы тратим на еду около четверти доходов. Высокие цены на продукты питания ударят по нам больше, чем по более богатому Западу (...) Если летом цена буханки хлеба (...) дойдет до 4-5 злотых, дороговизна наверняка станет темой избирательной кампании. Пис уже говорит о «пособии на повышение цен» (...) Это может оказаться эффективной стратегией — политическая жизнь устроена так несправедливо, что подорожание записывается на счет правительства, даже если оно в нем не виновато». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 31 янв.)

• «Согласно опросу страховой фирмы «Genworth Financial» и Бристольского университета, только 2% польских семей чувствуют себя в финансовой безопасности, т.е. положительно оценивают свой домашний бюджет (...) «Непонятная для большей части общества дискуссия об Открытых пенсионных фондах (ОПФ) и атмосфера постоянной политической кампании не улучшают настроения», — говорит Марат

Невретдинов из “Genworth Financial”». («Жечпосполита», 9 февр.)

- «Согласно опубликованному в конце января опросу ЦИОМа, 55% опрошенных считают, что ситуация в нашей стране ухудшается». («Жечпосполита», 9 февр.)

- «В 2010 г. дефицит сектора государственных финансов превысил 8% ВВП! Для финансовых рынков это сигнал тревоги (...) Мы оказались в ситуации, когда относительно безопасным сценарием развития было бы одновременное ужесточение фискальной и монетарной политики (...) Время шарлатанства прошло. Нас ожидают испытания», — Мирослав Гроницкий, бывший министр финансов, советник президента Польского национального банка (ПНБ), а также проф. Ежи Хауснера, бывшего вице-премьера и министра экономики, труда и социальной политики». («Жечпосполита», 9 февр.)

- «Самое большое влияние на рост дефицита государственных финансов в 2007–2010 гг. оказало введение льгот семьям и пособий на рождение ребенка, а также снижение НДС и взносов на пенсию по инвалидности». («Жечпосполита», 9 февр.)

- «Еврокомиссия обязала польское правительство представить до конца января план реформ, которые позволят ограничить дефицит государственных финансов до 3% ВВП». («Газета wyborcza», 21 янв.)

- «Президент Бронислав Коморовский подписал закон о бюджете на 2011 год. Максимальный заложенный в него дефицит составляет 40,2 млрд. злотых. Расходы государства могут достигнуть около 313,4, а доходы — 273,2 млрд. злотых (...) В 2012 году дефицит будет на 50% ниже, чем в 2010 м». («Дзенник — газета правна», 3 февр.)

- «Вместо того чтобы мутить воду, скажите ясно: за три года мы должны сократить дефицит на 90 млрд. злотых! Этого не достичь без экономии средств на финансирование пенсионной реформы в ее нынешнем виде», — пишет экономист Януш Янковяк. («Газета wyborcza», 2 февр.)

- «Мне очень жаль, что в заявлениях главы правительства появляются высказывания, которые могут подрывать доверие к высшим государственным чиновникам. Нельзя говорить, что от нововведений в пенсионной системе никто не пострадает, а все лишь выиграют (...) Я считаю, что никакие действия, направленные на уменьшение бюджетного дефицита с 8 до 2%

ВВП в течение трех лет, не могут быть чем-то заведомо плохим (...) Было бы хорошо, если бы премьер изложил суть дела ясно и открыто (...) Премьер и правительство не хотят открыто говорить о положении государственных финансов», — проф. Станислав Гомулка, главный экономист «Business Center Club». («Жечпосполита», 5-6 янв.)

• «Впервые бизнес объявил правительству открытую войну. Наступление ведется на рекламных щитах и дополняется рекламой в печати и по телевидению. Представители «Business Center Club» прямо говорят, что лишение Открытых пенсионных фондов части взносов — это пример фиктивных реформ, не устраняющих задолженности (...) Поправка к закону предполагает, что в ОПФ будет поступать 2,3% пенсионных взносов, а не 7,3%, как до сих пор (...) «Мы хотим, чтобы общество и правительство осознали, что эта поправка — не только проблема ОПФ, что это не безболезненный способ залатать бюджетную дыру, что она влечет за собой серьезные социальные последствия», — говорит Марек Вильгельми, пресс-секретарь Экономической палаты пенсионных обществ (...) Форум гражданского развития (ФГР) проф. Лешека Бальцеровича планирует представить расчеты: как провести пенсионную реформу без демонтажа ОПФ при одновременном ограничении государственного долга». (Беата Томашкевич, «Дзенник — Газета правна», 18 янв.)

• «С 2007 г. дефицит государственных финансов «подскочил» на 6% (...) По расчетам Бальцеровича и его фонда ФГР, структура этого «скачка» такова: 2,4% роста дефицита — это цена снижения налогов (ставка НДС и льготы семьям), 1,7% — цена экономического замедления, 0,5% — рост стоимости обслуживания государственного долга, 0,4% — ухудшение сальдо в бюджетах самоуправлений, 0,3% — цена повышения зарплат учителям, 0,2% — следствие повышения инвестиционных налогов (кроме финансируемых из средств ЕС), 0,2% — рост трансфертов в ОПФ. Таким образом, финансы были подорваны решениями, принятыми еще в годы правления Пис — но совместно с «Гражданской платформой» (ГП), которая поддержала снижение налогов и сборов». (Агата Новаковская, «Газета wyborcza», 7 февр.)

• «Суть предложения ФГР заключается в том, чтобы не уменьшать взносы в ОПФ (пенсионная реформа 12-летней давности по-прежнему имеет экономический и социальный смысл), а деньги на финансирование двух параллельных пенсионных систем получать благодаря ускорению приватизации, ликвидации профессиональных привилегий

(шахтеры, крестьяне, учителя, полицейские, военные) и снижению некоторых социальных расходов (пособие по болезни, на рождения ребенка и похороны), а также налоговых льгот. «Мы не говорим, что это нужно делать перед выборами», — добавляет Бальцерович, но не следует и разрушать в спешке пенсионную систему. Изъяны, т.е. неэффективность и высокую стоимость работы ОПФ нужно корректировать, но это правительство может делать, не выплескивая ребенка вместе с водой». (Ежи Бачинский, «Политика», 5 февр.)

• «За 11 лет польской пенсионной реформы в ОПФ поступило около 160 млрд. злотых наших взносов. Из них 15 миллиардов, вместо того чтобы пойти на будущие пенсии, было предназначено на финансирование деятельности пенсионных обществ, т.е. частных компаний (в основном принадлежащих иностранным инвесторам), которые управляют ОПФ. Финансовый кризис и поспешная покупка акций в 2008 г. привели к потере 22 млрд. злотых из средств пенсионных фондов. Это не повлияло на прибыль пенсионных обществ, которая ежегодно систематически увеличивается (в 2007 г. — 696 млн. злотых, в 2008 г. — 731, в 2009 г. — 766)». (Анджей Дрышель, «Пшеглэнд», 7 февр.)

• «В условиях угрозы чрезмерного роста кредитных потребностей государства, обесценивания наших облигаций, оттока капитала, что может привести к падению валютного курса, использование части денежных поступлений в ОПФ представляется неизбежным. Однако этот ход может быть сделан лишь при нескольких необходимых условиях: уменьшение поступлений не должно нарушить основ деятельности ОПФ (это было бы возможно при снижении взносов с 7,3 до 3,5–3,65%); уменьшение взносов должно коснуться только ближайших, самых трудных лет (2011–2013), по истечении которых необходимо вернуться к первоначальному уровню; уменьшение взносов должно сопровождаться изменениями, направленными на повышение эффективности ОПФ (...) Параллельно с реформами ОПФ должны произойти еще более глубокие изменения в государственных финансах: постепенное повышение пенсионного возраста до 67 лет; возврат к более высокому пенсионному сбору (ради сохранения стабильности рынка труда это не должно коснуться работодателей); ликвидация пенсионных привилегий армии, полиции и шахтеров; распространение общей пенсионной системы на крестьян», — проф. Дариуш Филар, член Экономического совета при председателе Совета министров». («Газета wyborча», 8 февр.)

- «Должен согласиться с Ежи Бачинским, который в «Политике» написал, что в теоретическом плане дискуссия о пенсиях (ОПФ или Управление социального страхования) — “один из самых интересных идейных споров десятилетия, а может, и двадцатилетия”», — проф. Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд», 13 февр.)
- «То, что я наблюдаю последние шесть месяцев, вызывает мое беспокойство. Я вижу смесь антиреформаторских шагов с отказом от действий, связанных с политическим риском. На это накладывается антиреформаторская риторика», — Лешек Бальцерович. («Дзенник — Газета правна», 11-13 февр.)
- «Согласно опросу ЦИОМа, почти половина поляков (49%) высказывается против планируемых изменений в ОПФ. Поддерживает изменения менее пятой части опрошенных (18%). Каждый третий респондент (33%) затрудняется с ответом на этот вопрос». («Польска», 28-30 янв.)
- «44% опрошенных ЦИОМом критически высказываются о работе правительства (...) Положительно ее оценивают 40% респондентов (...) В свою очередь, согласно опросу ЦИМО, правительство оценивают критически 56% опрошенных (...), а положительно — 36%». («Жечпосполита», 22-23 янв.)
- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 3-9 февраля, ГП поддерживают 37% поляков, ПиС — 20%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 12%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный порог составляет 5%. («Газета wyborча», 12-13 февр.)
- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 5-12 января, из всех политиков наибольшим доверием пользуется президент Бронислав Коморовский (65%). Второе место занимает премьер-министр Дональд Туск (52%). Третье — министр иностранных дел Радослав Сикорский (51%). Председатель СДЛС Гжегож Наперальский — четвертый (50%). Пятое место занял Лешек Бальцерович (49%). Список поляков, которым мы не доверяем, открывает Ярослав Качинский — 51% опрошенных признаются, что испытывает к бывшему премьер-министру отрицательные чувства». («Газета wyborча», 26 янв.)
- «Президент Бронислав Коморовский подписал закон, который должен увеличить число женщин, баллотирующихся на выборах, путем введения 35 процентной квоты в избирательных списках». («Жечпосполита», 1 февр.)

• «Огромное количество предписаний, т.е. инфляция права, — вот первая болезнь польского законодательства. Вторая — его качество. Одно вытекает из другого, а вместе эти две болезни создают замкнутый круг: предписания плохи, поэтому их часто и быстро «исправляют», а следствием этого становятся очередные некачественные законы (...) Опубликованный в 2010 г. «Законодательный вестник» содержит 18 тысяч страниц правовых актов: законов, распоряжений, международных соглашений (...) В 2010 г. Сейм принял 232 закона, большинство из которых (179) — это поправки и дополнения. Новых законов лишь 53, причем около 20 из них — это ратификации международных договоров и постановлений, утверждающих новые названия вузов». (Иренеуш Вальчак, «Жечпосполита», 17 янв.)

• «Во вторник президент Бронислав Коморовский предоставил польское гражданство вьетнамской оппозиционерке и защитнице прав человека Тон Ван Анх (...) Под письмом президенту Брониславу Коморовскому с просьбой о предоставлении Тон Ван Анх польского гражданства подписались многие известные люди, в т.ч. Владислав Бартошевский, Адам Михник, Магдалена Сьрода». («Газета wyborcza», 2 февр.)

• «Польша не выполняет своих обязанностей по исполнению приговоров Европейского суда по правам человека в Страсбурге — к такому выводу пришла Парламентская ассамблея Совета Европы». («Газета wyborcza», 8 февр.)

• «В Познани владельцы некоторых ресторанов не пускают в свои заведения цыган. Для цыган это не новость. Они живут в Европе уже несколько сотен лет и по опыту знают, на что она способна (...) Когда познанские цыгане идут в город, они переодеваются, чтобы не привлекать внимания поляков, и выбирают те места, где их не унижат, что может вылиться в обиду и драку. Они выработали разнообразные методы защиты от преследований». (Лидия Осталовская, «Газета wyborcza», 27 янв.)

• «Восемь лет спустя TNS ЦИМО повторил опрос, в котором респондентам предлагалось выразить свое отношение к различным антисемитским стереотипам (...) Последний вопрос прямо касался влияния евреев на ситуацию в Польше. В 2002 г. 43% поляков оно казалось слишком большим; сейчас такое мнение выразили 22% опрошенных. «В 2010 г. каждая возрастная группа стала менее антисемитской, чем восемь лет назад», — отметил автор опроса проф. Антоний Сулек». («Газета wyborcza», 7 февр.)

• «В марте 2007 г., во время манифестаций на вrocławской Рыночной площади несколько сот активистов «Национального возрождения Польши» несли транспаранты: «Польша для поляков», «Польша должна быть белой», «Польша — наш дом, черные — вон». Суд первой инстанции приговорил организаторов к срокам от 4 до 7 месяцев общественно-полезных работ за разжигание расовой ненависти. В декабре 2010 г. окружной суд оправдал их. В обосновании сказано, что лозунги о превосходстве белой расы — это всего лишь ссылка на «французских и английских доктринеров XIX–XX веков»». («Газета wyborcza», 25 янв.)

• «В субботу в результате взрыва мины под бронетранспортером «Росомаха» погибли военнослужащий и гражданский санитар (...) Старший рядовой Мартин Пастусяк — 23 й польский военный, погибший в Афганистане. Он служил в Специальном отряде военной жандармерии. Мартин Кнап уже месяц работал гражданским санитаром. Он стал первым польским гражданским лицом, погибшим в Афганистане». («Польска», 24 янв.)

• «В Западной Европе и за океаном наша взрывчатка вне конкуренции (...) Ежегодно мы продаем 6 тыс. тонн». («Жечпосполита», 3 февр.)

• «В середине декабря из Торуня в Германию выехала третья смена американских батарей «Пэтриот» — учения американцев должны были продлиться дольше, но на полигоне машины зарывались в снег». (Вавжинец Смочинский, «Политика», 5 февр.)

• «В Быдгоще и Варшаве украинские врачи совместно с польскими военными и персоналом Военной медицинской службы участвуют в подготовке к очередной миссии (...) Врачи с Украины будут работать в польской больнице в афганском городе Газни». («Жечпосполита», 25 янв.)

• Из интервью с полковником Робертом Латковским, летчиком-инструктором, бывшим командующим 36-м особым полком Транспортной авиации: «Вы читали расшифровку «черного ящика»? — (...) У меня нервы не выдерживали (...) Ни один пилот Ту-154 не мог бы читать этого спокойно! Чтобы в одном полете соединить столько нарушений — это просто в голове не укладывается (...) Кто этих пилотов учил? Инструкторов не было, (...) в Россию на подготовку их не посылали, на симуляторах они тоже не тренировались (...) Кто это контролировал? Кто допустил такую ситуацию? (...) У штурмана 26 часов самостоятельного налета на Ту-154! И он

летит с президентом! Когда русские об этом узнали, то, наверное, подумали, что у поляков с головой не все в порядке (...) Когда я сел за штурвал Ту-154, я был летчиком уже 25 лет. Я летал на Ту-134А, на Иле 18, на Яке, на нескольких других типах (...) Не дай Бог, чтобы делом о катастрофе занялась какая-нибудь международная комиссия — это бы нас скомпрометировало. Кого вы послали? Да еще с командующим Военно-воздушными силами! А он что сделал, чтобы это пресечь? Он что, потерял инстинкт самосохранения? Это нечто невообразимое, что с президентом полетела молодая команда, и на это дал согласие командующий ВВС Польши!» («Пшеглэнд», 30 янв.)

• «10 апреля 2010 года — лишь один из эпизодов общего процесса. Если бы Смоленск был исключением, можно бы было оплакать жертв и идти дальше. Однако это трагическое стечение обстоятельств вскрыло нечто более глубокое. Трагическую безответственность людей, выливающуюся в обычную, ежедневную беспечность. Мы опасны для самих себя. И опасны смертельно! “Невозможно противодействовать оползням, — заметил недавно главный геолог страны доктор Яцек Езерский. — За ними можно наблюдать, исследовать их, а затем предсказывать движение земной массы, которая сантиметр за сантиметром обнажает подпочву. Последняя фаза денудации происходит стремительно и может привести к трагедии. При такой ситуации, — считает Езерский — можно лишь бороться с оползневой амнезией, которой болеют как учреждения всех уровней, так и граждане”», — Чеслав Белецкий, архитектор, публицист, бывший председатель комиссии Сейма по иностранным делам. («Жечпосполита», 29-30 янв.)

• «“Позор”, «честь», «предатель», «ложь», «правда» — эти слова чаще всего звучат в парламентской дискуссии об отчете МАК и действиях правительства в связи со смоленской катастрофой. Туск не скупился на резкие слова в адрес России (...) и нападал на оппозицию (...) По мнению премьера, в интересах Польши не дать втянуть себя в холодную войну с Россией (...) Из ложи для публики раздались крики: (...) «Ты — предатель национальных интересов». Представители общества «Смоленск-2010» пытались развернуть транспаранты (...) Охрана вывела их из зала за нарушение порядка заседания». (Рената Грохаль) «Выкрикивая фразы о чести народа, якобы растоптанной русскими, ПиС одновременно унижает польское правительство. Антоний Мацеревиц, говорящий об отступничестве, или Мартин Каминский, поносящий с трибуны премьера и утверждающий, что тот недостойн

называться человеком чести, — вот лишь некоторые примеры деградации дебатов». (Ярослав Курский, «Газета выборча», 20 янв.)

• «Они кричали, что Сейм должен отклонить отчет МАК, забывая при этом, что МАК — не польское учреждение, что польский Сейм не осуществляет над ним надзор и, следовательно, не может принимать или отклонять его отчетов (...) Оппозиция имеет право и даже обязанность критиковать правительство и его начинания. Но оппозиция не может подвергать сомнению общественный мандат законно избранных властей, а тем самым суверенность народа, который «по ошибке выбрал не того президента», терпит премьера-«предателя» и правительство «отступников». Оппозиция тоже несет ответственность за государство (...) Она может атаковать правительство и премьера, но не государство и его институты (...) Еще раз подтвердилось, что ПиС не уместается в рамках демократической системы. Это не оппозиция, а деструктивная сила», — проф. Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 30 янв.)

• «Отчет МАК — это конкретное, компетентное, правдивое описание причин авиакатастрофы. Я утверждаю это, поскольку все специалисты и эксперты по вопросам авиации это признали (...) Ни премьер, ни соответствующий министр не утверждают, что отчет лжив (...) Проф. Роман Кузняр справедливо написал: «Нельзя было ожидать, что россияне подготовят отчет, который будет одновременно добросовестным и приемлемым не только для польского правительства, но и для радикальной оппозиции». Этих двух достоинств сразу ни один отчет иметь не мог», — проф. Бронислав Лаговский. («Газета выборча», 24 янв.)

• «Рационального Дональда Туска провоцирует русофоб Ярослав Качинский. На втором плане — отчет МАК как инструмент внутривосточных политических игр. Плюс неблагодарность поляков за беспрецедентные усилия россиян по выяснению причин катастрофы — так отреагировали на российский и польский отчеты российские пользователи интернета (...) Статья (...) о выступлении Дональда Туска, в котором премьер убеждал, что недопустимо было бы развязывать после смоленской трагедии российско-польскую войну, была прокомментирована более 150 тысяч раз». («Дзенник — Газета правна», 21-23 янв.)

• «Я бы хотел пожелать польскому правительству не поддаваться диктату не лучшей части польского общества. И не заниматься дальнейшим дележом «российской» и «польской»

вины. Поляки против россиян — это не лучшая формула. Правильная формула должна звучать так: «россияне вместе с поляками против чиновников, оказывающих давление на пилотов и авиадиспетчеров, а также против политиков, ухудшающих польско-российские отношения». В такой коалиции мы наверняка победим», — Дмитрий Бабич. («Газета wyborcza», 28 янв.)

- «Студенты Петр Стогний и Лукаш Шимачек предлагают объявить 3 февраля днем без дискуссий о смоленской катастрофе. Без политиков, обвиняющих друг друга в хамстве и отступничестве, без доморощенных специалистов по авиатехнике, без утечек и спекуляций (...) Инициаторы «Дня без Смоленска» (...) выбрали эту дату, поскольку она приходится на день за неделю до 10 го, когда ежемесячно поминается катастрофа. Остальные семь дней СМИ традиционно используют для дискуссии о том, что на этот раз сделает Качинский, куда пойдет факельное шествие, кто кого и как оскорбит в Сейме (...) Пусть хотя бы один день пройдет без стоны: «О Боже, снова о Смоленске!», — который люди всё чаще издают, включая телевизор (...) Стогний и Шимачек собираются обратиться к польским СМИ, чтобы они присоединились к акции. Ее поддержали уже сто тысяч человек». (Войцех Орлинский, «Газета wyborcza», 25 янв.)

- «Сколько стоит смерть под Смоленском? Соглашение, предложенное семьям жертв катастрофы (принять от государства выплаты в размере 250 тысяч злотых), большинство родственников отклонило — их уполномоченные придерживаются мнения, что они должны требовать 0,5-4 млн. злотых». («Тыгодник повшехный», 30 янв.)

- «По закону жене полицейского, погибшего при исполнении обязанностей, полагается 40 тыс. злотых. Кроме того, выходное пособие, зависящее от стажа и звания, сумма за неиспользованные отпуска, тринадцатая зарплата, пособие в размере трех последних зарплат и покрытие издержек на похороны». («Впрост», 6 февр.)

- «Томаш Туровский, титулярный посол в Москве, — люстрационный лжец, — считает Институт национальной памяти (ИНП). В пятницу он направил в суд соответствующее заявление (...) Туровский был т.н. «нелегалом» разведки ПНР, направленным в целях шпионажа в орден иезуитов в Ватикане». («Жечпосполита», 18-19 дек.)

- «Согласно опросу TNS ЦИМО, 66% поляков доверяют католической Церкви, в т.ч. 19% — безоговорочно. По

сравнению с предыдущим опросом в 2004 г. доверие к Церкви упало на 12%». («Жечпосполита», 20 янв.)

• «Различимое сегодня антицерковное течение интенсифицировалось уже пять лет назад (...) Оно заметно, в частности, в прессе левой ориентации, а в еще более резкой форме — в интернет-порталах. Антикатолическую направленность я особенно ясно вижу в некоторых текстах «Газеты выборчей», которые (...) напоминают высказывания политиков. На Польском телевидении оно (...) не столь заметно, если не считать второй программы, на которую серьезное влияние оказывает СДЛС», — архиепископ Станислав Гондецкий, митрополит Познанский, вице-председатель Конференции Епископата Польши. («Жечпосполита», 19 янв.)

• «Согласно опросу TNS ЦИМО, две трети поляков считают, что Церковь слишком активно участвует в политической жизни. Лишь 25% респондентов придерживаются мнения, что ее участие ровно такое, каким должно быть. Возвращение Церкви имущества, отнятого во времена ПНР, поддерживают 39% опрошенных, столько же выступают против». («Дзенник — газета правна», 20 янв.)

• «Архиепископ Юзеф Михалик (...) написал в письме священнослужителям, что «священник должен избегать алчности и воздерживаться от ведения какой бы то ни было торговли» (...) Письмо еще перед Рождеством получили все священники его епархии». (Катажина Вишневская, «Газета выборча», 29 дек.)

• «Архиепископ Юзеф Жицинский, 1948–2011 (...) Смерть архиепископа Юзефа Жицинского — это трагическая весть для всей демократической Польши (...) Он был человеком евангельской веры и редкой отваги; человеком высшего интеллектуального класса и необычайного благородства. Он был смиренным перед лицом христианских ценностей и непокорным перед лицом сильных мира сего (...) Он был мудрым священнослужителем и превосходным гражданином Польши. И к тому же человеком милосердия и диалога с инакомыслящими (...) — Адам Михник». («Газета выборча», 11 февр.)

• «Ампула с кровью Иоанна Павла II в специальном кристалле будет помещена в алтаре храма в Лагевниках, — сообщает «Газета выборча» (...) «Если мы сосредоточимся на почитании реликвий, а не на учении Папы, то сделаем из культа карикатуру (...)», — беспокоится о. Гжегож Рысь в «Тыгоднике повшехном». («Политика», 5 февр.)

• «В начале января прошла (...) четырехдневная охота для т.н. валютных охотников из Германии (...) Подстрелено более ста косуль, оленей и кабанов (...) В то же время по телевизору показывали косулю, дрейфующую на льдине в окрестностях Устромя-Морского. Ее спасли отважные пожарные (...) Эту косулю рано или поздно тоже застрелят (...) Охотников в нашей стране не только одобряют, но часто ими даже восхищаются», — Казимеж Орлось, прозаик, сценарист, публицист, юрист. («Газета wyborcza», 20 янв.)

• «В старых немецких подземных туннелях и бункерах заповедника «Нетоперек» (...) в этом году насчитали 27 275 летучих мышей. Это почти на 3800 меньше, чем в прошлом году и почти на 10 тысяч меньше, чем в 2008 м (...) Самым трагическим моментом подсчетов этого года стало обнаружение в туннелях более двухсот намеренно убитых или покалеченных летучих мышей. У них были переломаны крылья, порваны крыльевые перепонки, а у некоторых оторваны головы». (Пётр Коссобудзкий, «Газета wyborcza», 18 янв.)

• «Известный по телевизионным программам директор зоопарка во Вроцлаве Антоний Гуцвинский несет ответственность за длящееся вот уже десять лет заточение медведя Маго в бетонном бункере без вольера, — такой приговор вынес вроцлавский суд и обязал Гуцвинского выплатить... 1000 (прописью: одну тысячу) злотых в пользу Общества защиты животных (...) По мнению эксперта, профессора Университета естественных наук, “раз медведь не сдох, значит, не так уж ему было плохо”». («Тыгодник powszechny», 23 янв.)

• «Суд в Новом-Тарге вынес вчера обвинительный приговор трем молодым жителям Липницы-Малой на Ораве. Два месяца назад они зверски убили лайку. Они тащили собаку за машиной до тех пор, пока у нее не оторвалась голова». («Газета wyborcza», 18 янв.)

• «За четыре дня 100 тыс. пользователей интернета подписались под петицией с требованием ввести тюремное заключение за издевательство над животными (...) К преступлениям, где жертва — животное, полиция, прокуратура, а затем и суд (если эти преступления вообще попадают в список дел, подлежащих рассмотрению) обходятся как с делами второй и даже третьей категории (...) Тюремное заключение в таких случаях — большая редкость. В случае особой жестокости суды иногда выносят условные приговоры. Можно по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда виновник действительно

оказывался за решеткой. В 2008 г. таких приговоров было 18 и еще 225 условных». (Агнешка Сова, «Политика», 22 янв.)

- «СДЛС требует ужесточения наказаний для лиц, издевающихся над животными. Проект поправок к закону об охране животных был внесен вчера в Сейм (...) Сейчас за издевательство над животными или необоснованное их умерщвление грозит максимум год тюрьмы. В проекте закона предусматривается наказание от шести месяцев до двух лет. Если виновный будет действовать с особой жестокостью, он подлежит наказанию от трех месяцев до трех лет тюрьмы. В таких случаях суды смогут приговаривать также к дополнительному наказанию». («Дзенник — Газета правна», 8 февр.)

- «Аэропорта под Тыкотином не будет. Генеральный директор по охране окружающей среды отклонил разрешение на его строительство, выданное региональным директором. Проект размещения взлетной полосы между долинами Бебжи и Нарева, недалеко от болот, которые служат пристанищем для многих видов птиц, опротестовали многочисленные экологические организации и местные жители». («Политика», 15 янв.)

- «Связь между вымиранием пчел и использованием тяжелой химии (...) особенно хорошо видна на примере Польши, где потери тем больше, чем выше уровень химического загрязнения полей (...) В Великопольше и Нижней Силезии, где преобладают монокультуры, а использование средств по защите растений очень интенсивно, за последние два года число пчелиных роев уменьшилось на 45%. А в окрестностях Андрыхова, где преобладают мелкие и не слишком зажиточные крестьяне, — всего на 1,5%». («Тыгодник повшехный», 6 февр.)

- «В 1945 г. леса занимали менее 21% поверхности Польши. В настоящий момент этот показатель превысил 29% (...) До 2020 г. площадь лесонасаждений должна вырасти до 30%, а в 2050 г. достигнуть среднего европейского уровня — 33%». («Дзенник — Газета правна», 7 февр.)

- «В 1970 г. я узнал от коллеги-лесника, что 28% поверхности Польши занимают лесонасаждения и цифра эта приближается к 30%. В 1979 г. я начал работать в лесу мелиорационным рабочим. Тогда я узнал, что 28% поверхности Польши занимают лесонасаждения, и цифра эта приближается к 30%. В конце жизни (...) я узнал на специальном сайте, посвященном лесу, что 28% поверхности Польши занимают лесонасаждения и... выключил интернет. Я добавлю, что даже при ПНР не видел

в моей местности такой вырубки лесов, как в последние годы
(...) Ежи Печуль». Письмо в редакцию. («Пшеглёнд», 9 янв.)

ТАКОВЫ МОИ ПРИНЦИПЫ

— Как вы себя чувствуете в Польше? Вы живете здесь уже много лет, с 1993 года...

— Я не остался бы жить в Польше, если бы мне не было здесь хорошо. Я очень много путешествую по всему миру, но надо сказать, что нигде я не чувствовал себя так хорошо, как здесь.

— Нам очень приятно это слышать. Заметна ли для вас какая-либо разница между тем, что было в Польше 20 лет тому назад, и тем, что происходит сейчас? Речь в том числе и о проблеме расизма.

— Довольно часто в разных интервью, особенно за рубежом, я слышу повторяющиеся вопросы на тему расизма. Я бы сказал несколько иначе. То, что имеет место в Польше, я объясняю низким уровнем межкультурной компетентности. Какая разница между этими двумя понятиями? Расизм проявляется тогда, когда люди соприкасаются с другой культурой, с другими расами, знают их, но при этом дискриминируют их и не принимают. А низкий уровень межкультурной компетентности происходит от незнания, невежества, отсутствия общения. Люди оценивают других, исходя из стереотипов — например, кто-то учит стишок про негритенка Бамбо, а когда видит темнокожих, то вспоминает о нем, но не чувствует никакой особой неприязни к нему, просто его так учили, но это не расизм. А теперь что касается моего мнения: я приехал почти двадцать лет тому назад и теперь вижу, что уровень межкультурной компетентности постепенно растет.

— А какие перемены вы отметили?

— В закрытых странах уровень межкультурной компетентности всегда низкий, ибо там не происходит общения с представителями иных культур. Но посмотрите, что произошло, когда шесть лет тому назад Польша вступила в Евросоюз — это было очень важно. С тех пор многие поляки ездят за границу и общаются с представителями разных национальностей. Их взгляды, их точка зрения меняются, мне, кстати, приходит много писем от поляков из Великобритании, из Ирландии, в которых они пишут: «Мы рады, что вы живете в нашей стране». Это общение приводит к тому, что люди видят чужестранцев, африканцев или других темнокожих такими, какие они есть, а не теми, о которых только слышали, что такие

люди есть. Я вижу огромную разницу и люблю приводить разные примеры. Так, в 1993 г., когда я только начинал работать в Политехническом институте, люди подходили ко мне и спрашивали, можно ли потрогать мои волосы, — а теперь этого нет. И я считаю, что глобализация, открытость Польши всему миру, массовые выезды поляков за границу приведут к росту уровня межкультурной компетентности.

— Польша и Украина будут принимать чемпионат Европы по футболу «Евро-2012». Польская ассоциация «Никогда больше», а также украинские организации отслеживают проявления расизма в сфере футбола. Как вы думаете, организация этого чемпионата поможет по-другому взглянуть на проблему расизма в обеих странах?

— Наверняка так и будет. Контакты между людьми разных национальностей помогают повысить уровень межкультурной компетентности. Ведь это шанс познакомиться с другими странами, другими игроками, другими болельщиками. А вот «фаны», как я их называю, — это люди, которые никогда не имели контактов с другой культурой. Это простые, примитивные люди, которые вдруг увидели какого-то негра, бегающего по полю, — и отсюда такая их реакция. Так что в этом я вижу примитивность, но не расизм. А низкий уровень межкультурной компетентности возникает как следствие отсутствия контакта с другими культурами. Но я думаю, что когда приедут представители других стран, имеющих в своих командах спортсменов африканского происхождения, это поможет лучшему восприятию темнокожих футболистов.

— Когда-то в Лодзь приезжало много африканцев, диаспора была довольно сильной. А теперь?

— В Лодзи ситуация меняется. Многие африканцы, приезжающие учиться в вузы, сначала посещают школу польского языка для иностранцев, а потом часть из них переезжает в другие города. Я думаю, что теперь, ввиду визового режима, их приезжает меньше, чем прежде. Сейчас в Лодзи живет около 200 человек, а вообще их в Польше около четырех тысяч. Есть в их среде и смешанные браки.

— Лодзь отличается своей традицией многокультурности. Как вы оцениваете начинания, направленные на продолжение такой традиции в Лодзи сегодня?

— Фестиваль диалога четырех культур сосредоточился на культурах еврейской, немецкой, русской и польской. Некоторое время назад я оказался в числе тех, кто создавал Центр диалога.

Этот центр будет, в частности, поддерживать развитие многокультурности. Нам нужен не только Фестиваль диалога четырех культур, но и фестивали многокультурности. Центр диалога откроется в мае или в июне. В его рамках будут происходить разные мероприятия. Например, мне бы хотелось, чтобы состоялся фестиваль музыки и культуры африканской, еврейской и других. Чтобы у людей была возможность знакомства с разными культурами. Это на самом деле обогащает.

— Вы поддерживаете постоянные контакты с живущими здесь африканцами?

— Я веду занятия в Лодзинском университете, так как я аспирант факультета управления. Тема моей работы — культурная адаптация африканцев в Польше. Я постоянно имею дело с молодыми людьми, которые приезжают сюда поступать в вузы. В Африканском институте мы проводим для них некую неделю ознакомления. Знакомим их с польской культурой и обычаями. Помогаем им интегрироваться в общество — например, в настоящее время мы сотрудничаем с двумя вузами. Африканцы встречаются с польскими студентами. Это один из лучших способов интеграции. Только что у нас прошел совместный Сочельник для африканских студентов и представителей этих вузов. Африканцы приготовили африканские блюда, а поляки угощали своими традиционными блюдами.

— То есть Африканский институт стал ответом на низкий уровень межкультурной компетентности?

— Да. Одной из главных его целей было дать полякам основные знания об Африке. Именно это было главным. Речь шла о том, чтобы искоренить многие ошибочные стереотипные представления: об Африке как территории бедной и отсталой, что совсем не так. Африка тоже богата, обладает многими природными ресурсами. Мы хотим представить реальную картину Африки. Африканский институт — единственная подобная организация в Польше. Но мы сотрудничаем со многими другими организациями. Работаем по всей стране. У нас нет членов организации. У нас есть волонтеры. Главным образом это учащиеся, студенты. Одни сотрудничают с нами шесть месяцев, а другие — целый год, по-разному. Сейчас у нас около десяти волонтеров.

— Поляки тоже приходят?

— Да. И даже активно. В первый год у нас было около двадцати волонтеров, причем, кажется, только трое были африканцами. А сейчас у нас шестеро волонтеров — поляки.

— Обращаются ли члены диаспоры в Африканский институт с просьбами о помощи?

— Да. Обращаются часто. Например, когда у них возникают проблемы с официальными учреждениями. Как-то один молодой парень, студент-медик последнего курса, подумал, что, имея польскую визу, он может путешествовать в другие страны. С этой мыслью он и отправился в Бельгию. По возвращении был задержан. Власти хотели его выслать, а он изучал медицину на дневном платном отделении, где год обучения стоит 10 тыс. евро. К счастью, его не выслали, мне пришлось вмешаться в это дело и обращаться к руководству пограничной службы и к премьер-министру. За помощью обращаются также смешанные супружеские пары — в этих союзах не так всё просто, у супругов возникает большая разница в культурных обычаях. Поэтому часто такие люди обращаются за советом.

— Что становится особенно сложной проблемой для тех, кто приезжает в Польшу с другого континента? Язык, культура, религия?

— Думаю, всё зависит от цели приезда. Например, у тех, кто приехал учиться в вузе, появляется проблема с интегрированием, с одиночеством, с пониманием того, что происходит вокруг. Когда я сюда приехал, то сразу познакомился с поляками, так что у меня процесс интеграции проходил быстрее. Проблему представляет собой язык. У меня по сей день есть проблемы с польским. Кроме того я знаю, что из-за климата тоже возникают трудности. Я приехал в августе, но несмотря на это мне было холодно. Следующая проблема — это вопрос восприятия тебя окружающими. Когда человек приезжает, то он хочет жить нормально, а ведь часто случается так, что его оскорбляют, называют «негритенком Бамбо» или «черномазым из Африки» — это очень обидно. Далее: знание определенных правил. Это еще одна сложность. Например, многие покупают билет, садятся в трамвай, но не знают, что его следует компостировать. Человек осознаёт это только тогда, когда приходит контролер и вклеивает штраф. Вот таким вещам мы их учим. Это мелочи, которые облегчают им жизнь.

— К сожалению, «Коричневая книга» — очень толстый том. В нашей повседневной работе мы встречаемся с теми, кто стал жертвой избиений, оскорблений, дискриминации. И эти

люди, в отличие от вас, замыкаются в себе. Не желают об этом говорить.

— Следует различать разные формы расизма. Нельзя вот так просто переносить на польскую почву определение расизма, существующего в США. Это было бы просто несправедливо по отношению к полякам. Я считаю, что поляки — это замечательные люди, гостеприимные, проявляющие сочувствие к страдающим, так что, думаю, неправильно сваливать всё в общую кучу. Разумеется, случаются такие ситуации, как та, когда парень был застрелен в Варшаве или какой-то человек был до смерти избит. Но следует задать вопрос, откуда это взялось. Подражание ли это Ку-клукс-клану или же скорее следствие невежества? И я пытаюсь такие вещи различать. Если бы в Польше господствовал расизм, я бы ни за что тут не остался. Если бы расизм господствовал в Лодзи, то мне бы не получить второго, самого лучшего места на выборах местного самоуправления. Но у людей была возможность меня узнать. Может быть, при виде черной кожи у некоторых поначалу были сомнения. Но в настоящее время я для них прежде всего эффективный и компетентный работник органов самоуправления. В данный момент цвет кожи отодвигается на дальний план. Они видят во мне нормального человека. Вот об этом и речь. Давайте дадим людям возможность познакомиться с африканцами.

Мой пример — это отрицание того, что в Польше есть расизм. Сначала я стал депутатом микрорайона. Кандидатов было 107 человек, а я получил больше всех голосов. Потом я попал в городской совет, а теперь в парламент, несмотря на то что был в списке на худшем, предпоследнем месте. Так что, на мой взгляд, всё это опровергает существование расизма. Второй важный вопрос — это позиция иммигранта. Он не должен быть агрессивным, замкнутым, подозрительным, не должен провоцировать. Он должен стараться быть доброжелательным, открытым, располагать к себе. Я учу студентов из Африки, что в основе агрессии лежит патология. В начале моего пребывания в Польше я дважды подвергся избиению — но я ничего не сделал. Если бы я попытался драться, то наверняка дело дошло бы до еще большей агрессии. Они меня ударили, я упал, встал и ничего не предпринял в ответ. И они ушли. Это очень обидно, но думаю, что наша позиция имеет большое значение.

— А как вас приняли ваши коллеги-депутаты?

— Пока что весьма положительно. Они меня поздравляли, беседовали со мной, даже депутаты от партии ПиС, как Гурский например, который говорил о том, что наступает конец эпохи

белого человека, — он подошёл ко мне побеседовать. Так что пока всё выглядит весьма неплохо.

— А как депутат собираетесь ли вы еще больше прилагать усилий к тому, чтобы терпимости было больше?

— Я как человек — своей позицией, своим поведением — каким-то образом борюсь с нетерпимостью. Примером для меня служит Нельсон Мандела, который очень много страдал, сидел в тюрьме почти 30 лет. Но знаете, что он сделал, когда освободился? Он не призывал отомстить тем, кто его преследовал. Он их простил. Нашел свой путь прощения. Человек приходит к тебе с агрессией, а ты — совсем наоборот. Если кто-то хочет отнять у тебя что-то — ты отдаешь.

— Это очень трудно.

— Очень трудно. Это очень трудно, но я думаю, что с Божьей помощью это возможно. Я это применяю на практике. У меня даже как-то была такая ситуация. Я купил автомашину. На следующий день ее крыша оказалась продавленной. Кто-то по ней прыгал. Я заявил в полицию, которая нашла виновника. Я выиграл дело в суде, по приговору он должен был заплатить мне какие-то деньги. Когда он выходил из зала, то попросил у меня прощения. Сказал, что был пьян и что заплатит. Тогда я заявил в суде, что отказываюсь от суммы, обозначенной в приговоре, — потому что парень попросил у меня прощения. И возникло замешательство. «У вас есть возможность получить 1500 злотых, но вы от этих денег отказываетесь?» Я ответил: да. Таковы мои принципы. Что сделал бы в такой ситуации Иисус? В Библии говорится о прощении. Мы должны прощать наших обидчиков. Так, как нам прощает Бог. Он забывает. Он не просит никакой компенсации. Может быть это трудно понять, но такой подход позволяет нейтрализовать агрессию. Ведь обидчик приходит, чтобы причинить тебе зло. А ты не сопротивляешься.

— А как выглядит ситуация в вашей семье — тоже ведь смешанной? Как идентифицируют себя ваши дети — с точки зрения культуры?

— Моя жена полька. Мои дети похожи на поляков. Только волосы у них такие, как у меня. У девочек проблем не было. Я думаю, что сыну приходилось хуже, чем девочкам, хотя дочку тоже как-то обзывали в гимназии. Но жизнь на то и дана, чтобы научиться преодолевать трудности.

— Вы вовлечены в активную деятельность во многих сферах. Откуда у вас берутся силы, чтобы проявлять такую активность и иметь такое благожелательное отношение к жизни?

— Откуда берутся силы? Должен ответить честно. Силы дает мне Бог. Вы, возможно, ожидали не такого ответа, но именно Бог дает мне силы. В этом заключается для меня Милость Божия. Благодаря ей я ежедневно встаю в четыре- пять часов утра. Провожу какое-то время на коленях в молитве, прошу себе милости и мудрости. Так я начинаю каждый день. И это мне помогает, ибо, встречаясь ежедневно с самыми разными людьми, можно иногда сломаться. Но Его сила просто дает мне энергию.

— Благодарим вас за беседу.

Беседу вели Наталья Синяева-Панковская и Анна Татар

ГУЛАГОВСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

С 13 сентября 2009 г. надпись на русском и польском языках, высеченная на камне родом из лесов, окружающих поселок Ерцево Архангельской области, увековечивает память о заключении Густава Герлинга-Грудзинского в ГУЛАГе: «Густав Херлинг-Грудзиньский. 1919-2000. Польский писатель, автор «Иного мира». Узник лагеря в Ерцево (1940-1942)» (русская часть надписи воспроизведена с фотографии памятника. — Ред.).

Камень-памятник впечатляет своими размерами. Очертаниями валун напоминает человеческую фигуру, обладающую огромной силой и энергией, которые словно таит в себе эта глыба, хотя невозможно различить плечи, ноги или лицо. Это тело сосредоточено в себе — выпрямившееся, выделяющееся на фоне деревьев и покатых крыш поселка Ерцево. Это зэк. Сегодня всякий, кто увидит его у главной дороги поселка, той самой, по которой он каждый день на рассвете отправлялся в лес на работу для «перевоспитания», а вечером возвращался в лагерный барак, ощутит всю тяжесть мучений и нечеловеческих страданий, которые олицетворяет эта приковывающая к себе внимание каменная глыба.

13 сентября камень-памятник скрывала ниспадающая бело-красная лента. Вокруг камня собрались те, кто решил установить его здесь и организовал в тот день в Ерцеве торжественную церемонию его открытия с целью увековечить память о Густаве Герлинге-Грудзинском.

Наша польская делегация, приехавшая в Россию из Варшавы, повторила путь заключенного. Петербург (в его время Ленинград) — Вологда — Ерцево. Членами делегации были польский замминистра культуры и национального наследия Томаш Мерта, директор департамента национального наследия Михал Михальский и я. В Петербурге нас встречали польский генеральный консул Ярослав Дрозд, директор Польского культурного центра Цезарий Карпинский, вице-консулы Алина Карпинская и Збигнев Петровский. В консульстве состоялся прием с участием российских журналистов, приглашенных на пресс-конференцию. Я впервые участвовала в польско-русских разговорах, в смеси чистых и мелодичных созвучий этих двух

языков. Представители правительства из Варшавы и польской дипломатии рассказывали российским гостям о судьбе своего соотечественника Густава Герлинга-Грудзинского на советской земле, которую Юзеф Чапский назвал «бесчеловечной землей». В этом рассказе — прозвучавшем как ясный и точный отчет в спокойном тоне, насколько позволяли обстоятельства, — речь шла об одной из важнейших страниц истории Польши и Советского Союза в XX веке. Из тех многочисленных впечатлений, которые произвел на меня этот разговор, мне особенно хотелось бы вспомнить два. Во-первых, многое из того, о чем говорилось, оказалось неизвестно присутствующим, в том числе российским журналистам, и свидетельствовало о силе и правде слов, которыми мой отец завершил предисловие к первому изданию на русском языке его книги «Иной мир», опубликованной в Лондоне в 1989 году («несбыточная мечта (...) должен признать, что я никогда бы этого не ожидал»): «Призраков прошлого не изгнать замалчиванием. Если что-то может сблизить поляков с русскими, то именно разговор вслух о причиненных обидах и сознание общего страдания. Это — то общее страдание, страдание всех эков сталинской концентрационной империи, лежит у истоков «Иного мира». Из общего страдания вырастает общая надежда».

Искренний и открытый разговор в польском консульстве в Санкт-Петербурге, во время которого было объявлено о предстоящем торжественном открытии в поселке Ерцево камня-памятника с мемориальной доской, увековечивающей память о Герлинге-Грудзинском (по желанию польских властей и при согласии российских), указывал и тот путь, который уже пройден, и тот, который еще предстояло пройти, чтобы оказалось вполне осуществимым желание, высказанное автором во вступлении к следующему, московскому изданию «Иного мира» в 1991 году: «Ход событий в СССР превзошел мои ожидания двадцатипятилетней давности. Это наполняет меня глубокой радостью, не только как автора, когда появляется любое новое издание его книги. Радость моя, если можно так выразиться, носит общественный характер. И уж если «Иной мир» выходит в свет в Москве в издательстве «Прогресс» (вслед за изданными в СССР «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына и «Колымскими рассказами» Шаламова, то есть повторяет путь, проложенный этими двумя великими русскими писателями), то очевидно, что перемены, которые повлекла за собой «гласность», позволив заглянуть в «зеркало прошлого», являются необратимыми. Трудно переоценить значение этого факта для формирования действительно дружественных, по-настоящему правдивых и искренних польско-русских

отношений. Пусть же издание книги «Иной мир» в Москве внесет свою лепту в развитие этого исторического процесса».

Двадцать лет спустя я, его дочь, имела неожиданную возможность участвовать в другом важном и весьма символическом этапе «этого исторического процесса».

Вторым впечатлением, которое я вынесла из этих совместных бесед поляков и русских, было то, что наше путешествие, «двусторонние» встречи, которые были тогда организованы, и торжественная церемония, состоявшаяся в Ерцеве, совпали с 70-й годовщиной начала Второй Мировой войны. И не случайно для открытия памятника в Ерцеве был выбран сентябрь 2009 года. Когда я слушала те разговоры, в памяти моей продолжало звучать эхо слов, произнесенных во время торжеств в Гданьске канцлером Меркель, премьер-министрами Туском и Путиным, слов, взволновавших мировую общественность. Мы тоже встретились, чтобы воскресить в памяти фрагмент истории, начало которому положила война, двойное вторжение — нацистское и советское — в Польшу, ход его на восточных землях Польши, занятых Красной армией, «иной мир» ГУЛАГа, формирование армии Андерса, ее действия на Ближнем Востоке, а потом итальянская кампания и битва за Монте-Кассино. Обо всем этом я теперь вновь услышала из уст членов польской делегации, которые представляли российской прессе программу торжеств в России, посвященных памяти Густава Герлинга-Грудзинского. И снова в памяти я возвращалась к фрагментам автобиографических страниц отца: «Когда началась война, я выехал из Варшавы в соответствии с переданным по радио обращением маршала Умястовского, который призывал мужчин направляться на восток, ибо он, вероятно, думал, что нам удастся остановить наступление немцев и организовать какое-то военное сопротивление. Но это было иллюзией. Я направился к Бугу, страшно сожалея, что не нахожусь в армии и не могу каким-то образом принять участие в битве, хотя было уже известно, что это безнадежная борьба. По дороге я встретил конный патруль, трех мужчин, у которых была еще одна свободная лошадь. Я спросил, можно ли мне к ним присоединиться, и потом мы ехали еще часа четыре, пока до нас не дошло известие, что советские войска 17 сентября вторглись в Польшу, и мы распустили наш маленький отряд» (из интервью Здиславу Кудельскому).

«В конце октября 1939 года я отправился из Варшавы в свой отчий дом под Кельцами, чтобы попрощаться. Во мне уже созрело решение пересечь Буг и оттуда, с севера или с юга,

двигаться на Запад (...) Спустя месяц я вышел из поезда в Малкине с толпой беженцев. (...)

В Гродно [в марте 1940] я нашел в конце концов, за одолженные мне деньги, двух контрабандистов, готовых отвезти меня в Литву. Одного из них звали Мицкевич. Вот в таком сопровождении начался мой (...) путь в Россию. Наш пикап выехал из города с северной стороны и проехал не больше десяти километров. Милицейская машина нагнала его в чистом поле, где такие операции не могут привлечь ничего внимания. Мой Мицкевич служил в НКВД» («Час теней») ^[1].

Следующие страницы повествовали уже о том, что мы могли прочесть в «Ином мире», книге, сопровождавшей нас в нашей поездке.

После встречи в консульстве директор Карпинский повез нас на экскурсию по городу для знакомства с его достопримечательностями, аллеями и дворцами, церквями и монастырями. Под вечер, когда мы ехали по набережной Невы, он указал нам на видневшийся на противоположном берегу реки силуэт огромной, серой и мрачной петербургской тюрьмы. На вопрос, не хочу ли я увидеть ее вблизи, я ответила утвердительно. За воротами и окружавшими тюрьму стенами возвышались разделенные дорожками главное здание, башни и корпуса, обозначенные светящимися окнами камер. Мы не выходили из машины, ибо этого делать нельзя, я ограничилась тем, что смотрела сквозь стекло, среди сидевших в молчании пассажиров, с ощущением беспокойства, которое мне трудно выразить словами. Сделать тот же жест — остановиться на минуту, чтобы взглянуть на здание, — нам не разрешили в Ерцеве два дня спустя, перед лагерем, узником которого был мой отец и который по сей день действует как колония для уголовников. Не разрешили, несмотря на предварительную убедительную просьбу польского посла в Москве.

Нашу остановку перед тюрьмой в Петербурге можно прокомментировать лишь свидетельством из книги «Иной мир»:

«В Ленинграде наш этап разделили на партии по десять человек и одну за другой, с интервалами в несколько минут, повезли в воронках на пересылку. Зажатый между другими, почти задохаясь в деревянной коробке без окон и вентиляторов, я не имел возможности увидеть город. Только на поворотах меня встряхивало, и в мгновение ока я успевал заметить сквозь щель в кабине шофера фрагменты зданий, скверов и людской толпы. День был морозный, но солнечный. Уже выпал снег — мы

приехали в Ленинград в ноябре 1940 года, — на улицах встречались первые прохожие в валенках и шапках-ушанках. Болтающиеся наушники, правда, спускались только на уши и не заслоняли глаз, но, наподобие лошадиных шор, они позволяли смотреть лишь прямо перед собой, а не зевать по сторонам. Наш этап проехал по городским улицам незамеченным (...)

Старые зэки рассказывали мне, что в Ленинграде в это время сидело около сорока тысяч человек (...) Собственную численность мы определяли в десять тысяч человек; в 37-й камере, в нормальных условиях способной вместить самое большее 20 человек, сидело семьдесят (...) В Ленинграде я впервые встретился с гипотезами о числе лагерников и ссыльных — «белых рабов» — в Советском Союзе. В тюремных дискуссиях оно колебалось в пределах 18–25 миллионов».

Возвращаясь мысленно к тем страницам и к той минутной остановке перед петербургской тюрьмой, я ощущала, какую выразительную силу имеют два образа: образ зэка, который 69 лет назад «сквозь щель в кабине шофера» успевал заметить «фрагменты зданий, скверов и людской толпы», и образ той, что 69 лет спустя сквозь приоткрытое окно машины польского дипломатического корпуса, окруженная шумом городских улиц и молчанием сопровождавших ее людей, рассматривает здание, в котором был заключен ее отец, стараясь использовать как можно полнее возможность находиться здесь и видеть.

На следующий день рано утром наша делегация, состоявшая теперь из представителей консульства и Польского культурного центра в Петербурге, выехала в Вологду. Надо было преодолеть семьсот километров в течение дня по однополосной дороге, сильно разбитой, с выбоинами и колеями, которые вынуждали водителей постоянно сбрасывать скорость и совершать акробатические маневры. Я постоянно ощущала страх и напряжение, следя за их действиями, которые часто казались мне рискованными, но благодаря сноровке и опытности водителей выглядели естественными, так что я постепенно с этим свыклась. Я нашла облегчение в том, что, глядя в окно, открывала для себя «российскую глубинку», с ее бескрайними вересковыми зарослями, степями, лесами, полями, преимущественно необработанными. Изредка попадались дома. Изредка деревни. В основном это был пейзаж, в котором доминирует природа без людей. Огромное пространство, границ которого не видно. Ощущается «географический» размах империи (которую описал Капустинский), первобытная сила — связанная также и с теми пространствами, которые она

в себя включает, — ее господства. Разговор с товарищами по путешествию позволил мне лучше понять скрытую историю этих мест и их нынешнюю структуру, особенно там, где связанная с падением коммунизма ликвидация колхозов оставила после себя пустующие, заброшенные земли. За последние двадцать лет не удалось осуществить никаких значительных перемен, которые смогли бы заполнить возникшую брешь, связанную с уничтожением того, что когда-то существовало на селе. Экономическая политика пошла в другом направлении. Так что я могла наблюдать лишь то, что еще сохранялось, хотя уже лишённое жизни, из мифа о колхозах: бессильные останки, маркирующие кое-где пейзаж полей, которые тянулись по обеим сторонам дороги, без конца и края, как и рощи и леса. Однообразие пейзажа оживляла лишь мысль о том, что эти безбрежные, необрабатываемые поля и вересковые заросли, описанные на страницах русской литературы, служили также театром боевых сражений во времена памятных войн и героических военных кампаний прошлых веков.

Вологда возникла перед нами неожиданно, словно собор в пустыне. После многочасового путешествия и нескольких остановок на площадках у заправок, где можно было перекусить под открытым небом, выпить горячего чая или кофе, припасенных нами в багажниках наших машин, мы сразу ощутили, что нарушилась сопровождавшая нас тишина природы, которая была прервана окружной дорогой, современными зданиями и многоэтажками в советском стиле, перемешанными с более современными постройками в стиле «капиталистической» постсоветской России. Комментарием к виду города, второго этапа нашего маршрута, вновь могут служить страницы из первой главы «Иного мира» «Витебск — Ленинград — Вологда»:

«После полуночи движение в коридоре еще усилилось, было слышно, как отпирают и запирают камеры, монотонные голоса вычитывали из списков фамилии. После каждого «Здесь» река человеческих тел вздымалась, колотясь волнами приглушенного перешептывания в стены. Наконец открылась и дверь нашей камеры — Шкловского и меня вызвали на этап. Когда, стоя на коленях, я поспешно увязывал свои пожитки, Артамян еще раз схватил меня за руку и крепко ее пожал. Он не сказал ни слова и не посмотрел в мою сторону. Мы вышли в коридор, прямо в толпу потных, еще дышащих сном тел, боязливо присевших на корточки у стен, словно охвостье человеческой нищеты в сточной канаве.

Со Шкловским мы оказались в одном отделении «столыпинского» вагона (...) Было уже, наверно, поздно — поезд, вынырнув из леса, пересекал полосы серого света, поднимавшиеся над заснеженными вырубками (...) В Вологде меня одного забрали из нашего отделения. «До свиданья», — сказал я Шкловскому и протянул руку. «До свиданья, — ответил он мне сердечным рукопожатием. — Дай вам судьба вернуться в край наших отцов».

Еще сутки я провел в вологодской тюрьме, которая своими узорчатыми вышками и красной стеной, окружающей тюремный двор, напоминает небольшой средневековый замок. В подвале, в маленькой камере с отверстием величиной с голову вместо окна, я спал на голой, без настила, земле, среди окрестных мужиков, которые не отличали дня от ночи, не помнили, какой сейчас месяц и время года, не знали, сколько уже сидят, за что сидят и когда выйдут на волю. Подремывая на своих меховых тулупах — не раздеваясь, не разуваясь, не видевши бани, — они в горячем полусне бредили о семьях, домах и животине».

В Вологде, в гостинице, построенной в советском стиле и приспособленной к капиталистическим временам, в которой разместили польскую делегацию, нас приветствовал мэр города, человек, в котором ощущалась свобода и современность стиля не только одежды, но и поведения, с ним были также несколько представителей городских властей, молодые и энергичные, гид-экскурсовод, свободно владеющий итальянским языком, и женщина-директор исторического комплекса городского Кремля. Всех их отличал стиль, можно сказать, скорее Медведева, чем Путина: с особой чертой открытости, непосредственности и сердечности в поведении, что связано, вероятно, с фактом проживания в провинции империи, далеко от ее центра в смысле политическом и военном. В моем гостиничном номере меня ждал прекрасный букет цветов, подарок от мэра города с его визитной карточкой; рядом я положила извлеченный из чемодана пучок перевязанных бело-красно-зеленой лентой (цвета Италии) веточек лавра, которые мой сын Густав сорвал в нашем саду в день моего отъезда, чтобы я возложила его к стеле в память о деде, и букет разноцветных сухих цветов, обернутых розовой бумагой, от моей матери. По сей день мой сын упрекает меня за мой поступок в тот вечер: на снимках, сделанных на следующий день в Ерцеве, он увидел, что на пучке его лавра отсутствует трехцветная лента, а лежащие вокруг него многочисленные композиции из цветов украшены национальными цветами Польши. Может быть, когда-нибудь

он поймет мотив моего поступка, но здесь не место говорить об этом. Остается чувство вины перед ним за то, что я сделала, и к этому еще примешивается горечь, которую я ощущала в те дни польской миссии в Ерцеве из-за того, что всё, здесь происходившее, не нашло отклика в Италии — в стране, где мы родились и где мой отец провел более пятидесяти лет своей жизни^[2].

Вечером, во время ужина в ресторане «Пиноккио», выбранном в честь гостей из Неаполя, беседа за столом между членами делегации, к которой присоединился посол Польши в Москве Ежи Бар и представители принимавшего нас города, шла в совершенно протокольном духе: говорили о красотах Вологды и всей области, об исторических достопримечательностях, об истории, о жизни художественной и культурной, об инициативах, предпринятых за последнее десятилетие в области обновления старой части города (Кремль), а также в сфере экономики и торговли. В этом проступал (что особенно подчеркивалось) облик новой России, современной и предприимчивой, открытой к новшествам, способной конкурировать с нашими западноевропейскими моделями. Политические и исторические темы, связанные с церемонией, в которой нам предстояло участвовать на следующий день, были по умолчанию перенесены на следующий вечер, когда мы вернемся из Ерцева. К протоколу, с которым столь бесцеремонно обращались наши хозяева, мы без труда приспособились, и вечер прошел в сердечной атмосфере.

На следующий день ранним утром предстоял выезд в Ерцево. Во время своего завтрака я обратила внимание, что внутри польской делегации царят, как мне показалось, напряжение и беспокойство. Люди то входили в холл, то выходили к машинам, стоявшим уже наготове, возбужденно переговариваясь и укладывая цветы в багажники. Позже я поняла, что не случилось ничего, что могло бы нарушить нашу программу, — просто эмоции смешались с тревогой, возникшей в связи с приближением к цели нашей поездки, и с опасениями, всё ли пройдет как положено и в соответствии с договоренностями, достигнутыми в результате полутора с лишним лет подготовки. Посол Бар, увидев меня сидящей в задумчивости за своим столиком, вручил мне копию письма, которое польский министр иностранных дел Радослав Сикорский написал по случаю открытия камня-памятника и которое посол должен был огласить в начале церемонии. Этот текст позволил мне вполне оценить серьезность приближающегося события и его историческое и политическое значение как раз в тот момент, когда мне предстояло

отправляться в Ерцево. И он же сопровождал меня в пути, я ехала в машине посла, он поддерживал меня своим умным разговором, проникнутым искренним ко мне уважением.

На окраине Вологды колонну автомашин польских дипломатов обогнала милицейская машина. С мигалкой и включенной сиреной она вела нас на всём протяжении нашей поездки, в обе стороны, сигнализируя «особое» присутствие на пути протяженностью в двести километров, причем где-то во второй половине пути (на последнем участке) освободила трассу от транспорта и позволила нам ехать очень быстро, вынуждая встречные и едущие перед нами машины поспешно уходить в сторону, чтобы нам не приходилось сбрасывать скорость или рисковать при обгоне. Это совершенно очевидно была также охрана важных пассажиров и «бросающихся в глаза» машин, въезжающих на территорию, забытую Богом и людьми. Меня поразило, что посол велел водителю «поднять» на капоте с правой стороны бело-красный вымпел. В этот ясный, солнечный день, когда почти безоблачное небо раскинулось над горизонтом до самой границы слегка холмистой равнины, казалось, что природа здесь отличается какой-то иной тональностью тишины: более полной, девственной, без каких-либо видимых признаков преобразований. Нечто дикое ощущалось в воздухе, земле и красках: нечто, что говорило скорее об отсутствии, чем о присутствии, и о запустении. Неужели мы действительно въехали в «иной мир»? У меня было полное впечатление, что так оно и есть. Мир, в котором можно было быть зэком, или ошеломленным свидетелем, бессильным перед происходящим, или жителем, ведущим жизнь вдали от «нашего мира». В тайну тех мест, которые мы проезжали, было трудно проникнуть, такими они казались замкнутыми в себе, отрезанными и скрытыми за невидимой завесой тишины. Пейзаж становился всё более холмистым, более спокойным там, где не было лесов с устремленными ввысь верхушками деревьев, заслонявших небо, — леса расступались лишь перед прорезавшими их лентами дорог, всё более и более пустых.

В какой-то момент наша колонна остановилась, впереди виднелась высокая цементная стела с указателем: «Архангельская область». Это была граница, обозначавшая въезд в места, где расположен посёлок Ерцево. Здесь, у этой символически обозначенной границы, нас ожидала с двумя своими сотрудниками Елена Владимировна Кудрявцева, архангельский вице-губернатор, чтобы приветствовать в своей области. Обменявшись приветствиями и рукопожатиями, мы

вернулись в машины, чтобы вместе с ними, теперь еще более длинной колонной, добраться до места.

О том, что мы добрались до поселка, кроме показавшейся у дороги металлической таблички, довольно выцветшей, на которой было написано «Ерцево», говорили также первые деревянные разноцветные домики с покатыми крышами, видневшиеся среди деревьев, в лесу и на возвышенности. А уже потом, когда машины начали ехать медленнее, об этом свидетельствовали узкие улочки между домами, площадь, брёвна, сложенные штабелями, как строительный материал или дрова, дым из труб, запах дерева, первые голоса, всё более громкие и оживленные. В конце концов мы остановились перед деревянным домом, покрупнее других, со ступеньками, ведущими во дворик, и из него вышла группа сердечно и громко приветствовавших нас сотрудников районной администрации во главе с мэром Геннадием Науменко и его женой. В этом доме, где размещалась районная администрация, состоялась наша первая встреча с представителями местной общественности. Обложенные коробками конфет, с рюмками водки в руках, поднятыми вверх в ритуальном жесте тоста, мы слушали нескончаемую речь мэра, который никому не давал слова, подавляя всех нас своим волнением и приподнятым настроением. В его жестах и словах прочитывалось долгое ожидание этой минуты, тщательные приготовления к церемонии, в которой принимала участие вся местная общественность, напряжение (и смущение), которое было вызвано, с одной стороны, радостью от этого визита, как бы то ни было «исключительного» в жизни этого поселка, а с другой — той совершенно нерадостной историей, которую восстанавливала память. Мы словно оказались на сцене настоящего русского театра. Выйдя из здания администрации, мы направились по главной улице к тому месту, где должна была начаться торжественная церемония.

Группа красивых, улыбающихся девушек в местных нарядах, белых с синей вышивкой, у каждой длинная коса, заколотая на затылке, приветствовала нас хлебом-солью. Девушек окружали маленькие мальчики, а дальше, в конце улочки, ведущей к месту церемонии, нас ожидали стоявшие полукругом мужчины и женщины, старики и целые семьи, оставив свободный проход лишь посередине. Улочка была устлана красным ковром: из установленного справа магнитофона лилась музыка Шопена, а потом зазвучал польский национальный гимн; с левой стороны собрались операторы местного и областного телевидения. В глубине, перед нами, два

памятника: один из темного мрамора, на котором высечена лишь одна дата «1937», установленный тут в 1991 г. в память о жертвах сталинизма; вторая — тот самый камень-памятник, который я описала в самом начале и который нам предстояло открыть, сняв с него бело-красную ленту.

Звучали речи представителей власти с обеих сторон, на польском и на русском языках, с синхронным переводом. Они прозвучали торжественно и были глубокими по содержанию. После открытия камня-памятника состоялось его освящение, которое совершил на польском и русском языках отец Юзеф Роман, священник прихода Пресвятой Девы Марии в Вологде, возложение цветов и венков, которые, в соответствии с протоколом, я возложила первой, а потом, поочередно, представители властей и члены обеих делегаций, от имени которых посол Ежи Бар и вице-губернатор Елена Кудрявцева возложили также цветы к находящемуся неподалеку монументу в память о жертвах сталинизма. Торжественная церемония завершилась минутой молчания. Уходя, мы вновь услышали Шопена. С помощью моего верного спутника, русского переводчика из Санкт-Петербургского университета, я смогла поговорить с теми, кто присутствовал на торжественной церемонии, почувствовать их волнение и тревогу, их — особенно пожилых людей — стремление рассказать мне о том, что им было известно — хотя бы по рассказам их собственных отцов — о Ерцеве и здешнем лагере в те годы, когда там находился мой отец. В их словах звучало облегчение: можно снять завесу молчания, за которой на протяжении многих лет скрывалась память о том страшном периоде. Журналисты и телеоператоры хотели взять у меня интервью, они просили меня рассказать им об отце, о том, что для меня значит пребывание в этот памятный день в Ерцеве. Я рассказала им историю отца и описала тот путь, который прошел подающий большие надежды студент Варшавского университета, попав из охваченной войной Польши в движение сопротивления на территории, занятой Советами, а «в конце 1940 года» — в тюрьмы «Витебска — Ленинграда — Вологды» и затем в лагерь в Ерцеве. Рассказала и об очередных этапах его трудного пути после освобождения из лагеря в январе 1942 г. , когда он в кульминационный момент голодовки протеста неожиданно смог «воспользоваться» пактом Сикорского—Майского^[3]: это было тяжелое странствие вчерашнего зэка по территории Советского Союза, пребывание солдата армии Андерса на Ближнем Востоке и участие в итальянской кампании вплоть до сражения за Монте-Кассино.

Визит в школу, располагавшуюся в маленьком деревянном здании, в которой нас ожидали дети и подростки в школьной форме вместе с женщиной-директором и учителями, глубоко меня взволновал: на стенах висели в рамках фотографии переулков, домов и видов поселка Ерцево и его окрестностей летом и снежной зимой, ночью, в свете луны (один из этих снимков, подарок фотографа, висит теперь в моем кабинете), и еще застекленные шкафы школьной библиотеки. Из них было вынуто и выложено на стол — рядом с экземплярами книг Достоевского («Записки из мертвого дома»), томами Чехова, Мандельштама, Солженицына и Шаламова — московское издание книги «Иной мир». Экземпляр книги был зачитан, а на библиотечном формуляре я увидела длинный список дат и фамилий тех, кто брал эту книгу. Теперь на титульной странице есть моя надпись: «На память о моем визите в Ерцево, 13 сентября 2009».

Обед, которым нас угощали в кафе — единственном в этом поселке, с прекрасной дровяной печью, — был веселым: тосты, речи и обмен подарками. В своем завершающем тосте мэр Науменко (в послужном списке которого среди прочих мест работы значилась в том числе и должность сотрудника тюремной администрации), в crescendo своего красноречия и эйфории, вследствие немного спавшего уже напряжения, обратился ко мне с приглашением вновь приехать в Ерцево, воспринимая его как место проведения спокойных каникул, прогулок и прежде всего — где так хорошо «ходить по грибы»... На обратном пути в Варшаву мы не раз комментировали это предложение с иронией, смешанной с недоумением. Но тогда, словно находясь на сцене театра абсурда, я ответила на приглашение молчаливой вежливой улыбкой — я подумала, что на это сказал бы мой отец, одним из излюбленных занятий которого было «ходить по грибы»...

Направляясь к машинам, мы слышали вслед сердечные прощальные слова. При выезде из Ерцева нам не разрешили проехать по дороге, ведущей мимо колонии. Но я не испытывала сожаления по поводу этой единственной вещи, в которой мне в тот день было отказано. Мне вспомнился фрагмент, завершающий первую главу «Иного мира».

«На рассвете следующей ночи я доехал с другим этапом до станции Ерцево Архангельской области, где нас уже ждал конвой. Мы высыпали из вагонов на скрипящий снег под лай овчарок и окрики охраны. На побелевшем от мороза небе еще мерцали последние звезды. Казалось, что они вот-вот угаснут и непроглядная ночь выплывет из замерзшего леса, чтобы

поглотить дрожащий накат неба и розовый рассвет, скрытый за зимними огнями костров. Однако на горизонте, за первым поворотом дороги, показались четыре силуэта «аистов» на обмотанных колючей проволокой ногах. В бараках горел свет, а на трещащих от мороза воротах гремя скользили колодезные цепи».

1. И далее: «Спустя три года я встретил его в пустыне в Ираке: он был капралом, что говорило о том, что и он в конце концов пошел по следам своих жертв. Я смотрел на него долго, храня молчание, и увидел, как он побледнел. Потом, по-прежнему не говоря ни слова, я отправился дальше»
2. За исключением статьи Титти Мароне «L'omaggio a Jercevo. Herling una lapide nel gulag» (Il Mattino. 17.09.2009), который приводит сообщение варшавского отделения итальянского агентства ANSA от 16.09.2009, отредактированное Тадеушем Конопкой: Scrittori: da Napoli a ex gulag per ricordare Herling. «Мемориальная доска, увековечивающая память польского писателя, который жил в Неаполе почти 50 лет, Густава Герлинга-Грудзинского, автора сборника автобиографических рассказов из ГУЛАГа «Иной мир», была открыта в эти дни его дочерью Мартой в Ерцево, на севере России, где ее отец с 1940 года находился два года в заключении в лагере. «Это было очень тяжелое испытание, я увидела действительно иной мир», — сообщила агентству ANSA Марта Герлинг по возвращении из своей поездки в Ерцево».
3. См. XIII главу книги «Иной мир» — «Мученичество за веру», начинающуюся словами: «Под конец ноября 1941 года, через четыре месяца после объявления амнистии для польских заключенных, когда у меня не оставалось больше никакой надежды дожить до весны будущего года и я уже почти бесповоротно распрощался с мыслью освободиться из лагеря, я решил объявить голодовку протеста. (...) И, наконец, человек, погребенный заживо и внезапно очнувшийся во тьме, не рассуждает: даже зная, что отчаянным барахтаньем обвалит на себя новые комья свежевзрыхленной земли, он колотит окровавленными пальцами в крышку гроба из всех сил своего отчаянья», — и заканчивающуюся так: «Как жалко я, должно быть, выглядел, присев на корточки на обледенелой доске, в поддуваемой ветром телогрейке, вглядываясь в отхлестываемую метелью снежную равнину глазами, из которых катились слезы боли и гордости!»

ФЕНОМЕН БОРОВИЧЕЙ

Боровичи, город на Мсте, лежащий на полпути между Москвой и Петербургом и ставший теперь важным хозяйственно-экономическим и административным центром Новгородской области, не выглядят для поляков обычной точкой на карте России. Чтобы понять, почему это так, надо вернуться к годам Второй Мировой войны.

В июле 1944 г., после того как Красная армия перешла «линию Керзона», НКВД вместе со службами безопасности Польского комитета национального освобождения [просоветского марионеточного правительства] приступили к расправе со структурами Польского подпольного государства. Была развязана ожесточенная пропагандистская травля. Со стен пугали плакаты: «Армия Крайова — шут гороховый реакции», «Берегись шпионов АК и NSZ» [NSZ — Национальные вооруженные силы]. Под лозунгами «борьбы с реакцией» проводились грубые и беззастенчивые карательные операции против целых деревень, грабежи, насилия. В рамках «очистки тыловых зон фронта от враждебных элементов» начались массовые аресты бойцов Армии Крайовой, которые, будучи верными принесенной присяге, сражались с немецким оккупантом. К концу сентября 1944 г. число брошенных за решетку достигало нескольких десятков тысяч человек. Держали таких арестованных, в частности, в бывших гитлеровских застенках — Люблинском замке и концлагере Майданек. Многих из такого рода узников отправили без суда в так называемых «телячьих» вагонах вглубь Советского Союза.

Около пяти тысяч человек, признанных «врагами народной власти», в большинстве своем — рядовых солдат АК, которые находились под арестом в Соколове-Подляском, Люблине и Перемышле, в ноябре вывезли в лагерь НКВД-МВД №270 в районе Боровичей. Это был один из самых крупных и самых тяжелых лагерей в северо-западной части СССР. Его создали в 1939 г. для политзаключенных, которые должны были строить Мстинскую гидроэлектростанцию. В июле 1942 г. там организовали приемно-пересыльный лагерь для военнопленных, главным образом солдат немецкой армии и ее союзников. Осенью 1944 г. характер лагеря изменился — с этого момента наибольшую группу заключенных тут составляли поляки. Их разместили в пяти лаготделениях: №1 — Устье, №3

— Боровичи-Бобровик (так называемый городской лагерь), №5
— Ёгла, №16 — Опочно и №18 — Шиботово.

Самое крупное из них, расположенное поблизости от села Ёгла, было «отделено от окружающей местности и тщательно охранялось; всю территорию лагеря окружала ограда из двух рядов колючей проволоки, а также шести сторожевых вышек, размещенных на углах и между ними. Обустройство лагеря состояло из целого ряда объектов, а именно: жилых бараков полуземляного типа, иными словами, сооружений, частично заглубленных в грунт (для заключенных и военнопленных), лагерьной кухни, бани, каптерки, складов, мастерских, карцера и караульного помещения у ворот, ведущих в лагерь. Техническое состояние всех этих объектов было абсолютно плачевным, так как они в свое время сооружались примитивно и небрежно»... Именно сюда попало в ноябре-декабре 1944 г. большинство рядовых участников АК, доставленных в Боровичи. После прохождения карантина значительное число заключенных отправили на работу, главным образом, на комбинат «Красный керамик» в Боровичи, а также в самое тяжелое лаготделение (так называемое шахтное) в Устье, где заключенные занимались проходкой шахтных стволов. По прошествии неполных двух месяцев, после того как вспыхнула эпидемия поноса и дизентерии, их стали вновь направлять в лаготделение в Ёгле, которое начало выполнять функцию «оздоровительного подразделения». Больных держали также в православном Свято-Духовом монастыре, где в одном из зданий находился так называемый специальный госпиталь №3810.

Болезни, непосильный труд, голод, суровый климат, отсутствие надлежащего медицинского ухода и возможностей контактировать с близкими, которые оставались на родине, стали причиной того, что многие из заключенных не выжили. Благодаря скрупулезному учету, который вел НКВД, известно, что с ноября 1944 по июль 1946 г. в лагере №270 умерло 617 поляков (12,5% общего количества). Освобождение из-под стражи произошло в феврале-марте 1946 года. Выпустили, однако, только часть находившихся под стражей, свыше 800 были отправлены в лагеря близ Свердловска, откуда они смогли вернуться в родную страну лишь в ноябре 1947 го. Благодаря документам, сохранившимся в городском архиве Боровичей и переданным польской стороне, ныне известны поименные списки умерших. Узников хоронили в общих могилах, без одежды и нижнего белья, на кладбищах, которые создавались вблизи от лаготделений. Сегодня рядом с русскими,

немецкими, финскими и венгерскими табличками там есть и польские знаки памяти.

С инициативой увековечить память о польских заключенных, которые навсегда остались в боровичской земле, выступили их оставшиеся в живых товарищи. После того как эти люди 40 лет скрывали правду о своем военном прошлом, они впервые встретились в Лодзи в 1987 году. Пять лет спустя, в сентябре 1992 г., в Казимеже-Дольном они учредили Объединение боровичан, действующее в рамках Союза сибиряков. Благодаря неиссякаемой энергии и страстности своего председателя, бывшего узника Боровичей Романа В. Бара, объединение ведет всестороннюю деятельность в стране и за рубежом. Это чрезвычайно динамичная организация, с богатыми достижениями. Каждый год проходят съезды ее членов. Установлены многочисленные мемориальные доски — например, в Бялой-Подляске, Соколове-Подляском, Сопоте и Люблинском замке. В Люблине у боровичан имеется сквер собственного имени, где осенью 2004 г. состоялась церемония открытия и освящения монумента «Ради памяти. Ради предостережения». В Варшаве, в сквере Сибиряков, установлен памятник-валун «Боровичи — Свердловск», а памятник «Погибшим и убиенным на Востоке», так называемый «Вагон», был в 2005 г. пополнен шпалой с надписью «Боровичи». Объединение ведет также активную издательскую деятельность, ежегодно публикует «Информационные бюллетени» и подготовило к печати пять внушительных томов «Книги боровичан».

Чем бесспорно выделяется объединение, так это тесным сотрудничеством с российской стороной. Его члены, невзирая на травматический опыт прошлого, сразу же после получения официального статуса установили контакт с властями Боровичей. Было заключено соглашение, плодами которого стали многочисленные совместные действия. В августе 1993 г. в Боровичах состоялся международный семинар репрессированных узников — бойцов Армии Крайовой из лагеря №270 в Боровичах. Тогда же в Ёгле благодаря усилиям варшавского Совета по охране памяти борьбы и мученичества, а также польского генерального консульства в Санкт-Петербурге возникло кладбище АК, центральным элементом которого служит деревянный крест и валун с посвящением: «Солдатам Армии Крайовой». Это стало лишь началом деятельности. В 2002 г. около памятника в Ёгле установили плиту с польским орлом и двуязычной надписью. Похожие памятные доски разместили на кладбищах в Боровичах-Бобровике и Устье. Кладбище в Ёгле, находящееся неподалеку от

церкви Тихвинской иконы Божией Матери и пополнившееся в 2004 г. шестью валунами с высеченными на них названиями мест содержания заключенных-поляков, стало тем центральным пунктом, где хранится память обо всех жертвах лагеря №270. Боровицкий лагерь — едва ли не единственный полностью увековеченный лагерный комплекс в России. В местном музее устроена небольшая экспозиция, которая посвящена полякам, находившимся здесь в заточении. Все перечисленные начинания были с большой доброжелательностью и пониманием встречены властями новгородской земли и Боровичей, которые помогли в их осуществлении.

С годами связи укреплялись. Проводились совместные польско-российские научные и научно-популярные конференции, попеременно в Люблине, Боровичах и Великом Новгороде, с участием представителей Объединения боровичан, Генерального консульства Польши в Санкт-Петербурге, польского Управления по делам ветеранов и репрессированных, Института национальной памяти, администрации Новгородской области, общества «Мемориал», исследователей и архивистов из обеих стран. Эти встречи доказали, что открыто разговаривать о трудном общем прошлом можно и нужно.

Почти ежегодно боровичане ездят в Россию, а представители властей и общественности Боровичей посещают Польшу. Польские торжества в Боровичах всегда представляют собой большой праздник, что подчеркивается поднятием на мачте перед зданием тамошней администрации бело-красного флага. Церемония начинается обычно с приема для польских гостей, устраиваемого властями города и области, после чего проходит возложение цветов к памятнику жертвам политических репрессий в центре Боровичей. В местах упокоения поляков молодым бойцам АК воздается честь, читаются поминальные молитвы. Российская сторона многократно подчеркивала, что сотрудничество между Объединением боровичан и властями Новгорода может служить хорошим примером для других областей РФ.

Минуло почти 20 лет. Люди уходят. До этой поры главной заботой Объединения боровичан было увековечить память об умерших товарищах и поддерживать их могилы в порядке. Сейчас ветераны войны хотят передать эстафетную палочку младшему поколению. Ищут новые формы деятельности. Планируют изменение устава своей организации, чтобы ее членами могли стать не только бывшие узники, но и члены их

семей, а также другие заинтересованные лица, невзирая на их национальную принадлежность. И — что, может быть, самое важное — предприняты первые шаги, направленные на обмен молодежью между Боровичами и Люблином. Дабы сотрудничество и дружеские контакты продолжались. Во имя памяти и взаимного сближения поляков и россиян.

ПОЛЬША В МОЕЙ ЖИЗНИ

— Она возникла неслучайно, хотя могла бы и не возникнуть. Дело в том, что мои бабушка, Раиса Львовна Мирская (1880–1952), и дедушка, Борис Осипович Шмуэльзон (он умер в возрасте 52 или 53 лет в конце 1920 х), какой-то период своей жизни провели в Польше, в Лодзи. Бабушка была родом из белорусского местечка, еврейка, поэтому уехала из черты оседлости получать образование в Польшу, которая была тогда частью России. Она училась в Варшаве, выучилась на зубного врача. Когда она вышла замуж за моего дедушку, который, в свою очередь, учился в Петербурге на юридическом и был выгнан за участие в социал-демократическом движении, стало быть, не мог продолжать учебу в России, они уехали в Польшу. В Лодзи бабушка имела свой зубоврачебный кабинет, а дедушка преподавал в гимназии древнегреческий и латынь, чему он успел выучиться в Петербурге в университете.

В Лодзи родились моя мама, Зинаида Борисовна Старосельская (1903–1998), и моя тетя, Юлия Борисовна Щепкина–Мирская (1906–1966), журналист, редактор, переводчик. Но в 1914 г., когда началась Первая Мировая война, они бежали в Москву.

И мама, и тетя были двуязычными, потому что бабушка говорила с ними по-польски, няня у них была польская, а дедушка говорил по-русски. В Москве они постарались избавиться от польского акцента и забыть польский язык, потому что их дразнили в школе. Твердое «эл» у них осталось по гроб жизни, но польский язык был забыт и из жизни ушел. Я никогда слова польского в детстве не слышала, кроме, может быть, каких-то нескольких бабушкиных выражений.

Но в начале 1950-х моя тетя, которая работала ответственным секретарем в «Литературной газете», переводила с английского и французского, из газеты вынуждена была уйти. Ее муж, Александр Петрович Мацкин, театральный критик и театровед, стал «злостным космополитом». Он оказался в компании Иосифа Юзовского и прочих, не на самых главных ролях, но работать не смог, писать не смог. И тетя потеряла работу. Тут она вспомнила про Польшу, про свой польский язык и начала переводить с польского. Таким образом Польша снова пришла в наш дом. Появились польские книги, журналы.

Но я была от этого достаточно далека, училась в Институте тонкой химической технологии. А к Польше пришла с

неожиданной стороны.

В 1956 г. я побывала на первой выставке импрессионистов в Манеже. Потом была выставка репродукций замечательных французских импрессионистов, выполненных методом шелкографии из Франции. Это было первое знакомство с импрессионистами, и я, конечно, необыкновенно ими увлеклась. А в 1958-м, летом, когда мы жили все вместе на даче, и тетя тоже, я вдруг увидела у нее книгу Перрюшо о Тулуз-Лотреке — на польском. Тогда у нас Перрюшо еще не издавался, это сейчас многие его книги о художниках переведены. И я стала требовать, чтобы мама с тетей мне ее читали. А они сказали: «Знаешь что, мы лучше тебе покажем, как это всё читается и пишется, и будешь читать с нашей помощью сама». Вот так я начала приобщаться к польскому языку. Увлеклась, стала читать журналы.

А это был период, когда Польша очень много значила для нашей интеллигенции, для молодежи особенно. Все эти журналы — «Пшекруй», «Фильм», «Кино», польские фильмы, Вайда... Мы стояли часами в очереди, когда была неделя польского кино. Так я посмотрела «Канал», помню это очень хорошо. И эти журналы, которые сильно отличались от наших, и выставка плаката, и джаз, который приезжал на Фестиваль молодежи и студентов — всё это вместе меня всё больше увлекало и затягивало. Химию я никогда особенно не любила, хотя закончила институт, четыре года работала в лаборатории, но, в общем, меня очень тянуло к переводческой работе.

Однажды тетя на свою голову предложила мне что-то перевести. Она курировала сборник польских рассказов, которые дали молодым переводчикам. Я перевела для этого сборника один рассказ. И так увлеклась, что в конце концов бросила химию и с тех пор занимаюсь польской литературой всю жизнь. Вот так я пришла к Польше.

— Из 1950-х какие польские события вам запомнились?

— В 1959 г. (я еще училась в институте) поехала в туристскую студенческую поездку в Польшу. Естественно, не могла упустить такую возможность. И меня там поразило всё. Это был Запад, это была другая жизнь. А какое самое сильное первое впечатление? Мы довольно долго были в Закопане. Вся поездка: два дня в Варшаве, три дня в Кракове и целая неделя в Закопане. Курортное местечко, зима, лыж у нас нет. Делать особо было нечего, и мы вечером ходили по каким-то клубам и отплясывали рок-н-ролл. В Москве ничего подобного не было. Вот это, может быть, было самым ярким впечатлением от

Польша (смеется). Извините, конечно, за легкомыслие (смеется). И потом, помню, когда мы вернулись в Москву, собрали друзей и учили их танцевать рок-н-ролл. Польша — конечно же, то самое пресловутое «окно в Европу», и в это окно я все время выглядывала. Потом начала ездить в Польшу и всё больше и больше к ней привязывалась. У меня появились там какие-то знакомые.

— *Насколько широко было распространено полонофильство в те годы?*

— В 1950-е годы было, конечно же. Люди учили польский язык, чтобы читать польские журналы, которые были живее и интереснее наших. Журнал «Фильм», например, просто рассказывал о тех фильмах, которых мы никогда не видели. Кроме того, я уже об этом говорила, поляки всегда издавали хорошую зарубежную литературу. В этом, кстати, они тоже нас опережали — у нас эта волна хлынула только в перестройку. Хемингуэя, Камю, Кундеру я читала по-польски, и в среде интеллигенции многие ради этого изучали польский язык. Особенно в 1960-е годы. Вообще наши шестидесятники в чем-то брали пример с поляков. А что касается более широких слоев населения, то их привлекал скорее быт, он был более ярким: например, в Польшу можно было поехать за красивыми шмотками. Да я сама... в 1960-е — 1970-е ездила в Польшу раз в три года, и потом мне на три года хватало каких-то тряпок, которые я там покупала, они оставались модными. Так что это, может быть, не совсем миф.

— *Из событий 1968 года что-нибудь вам запомнилось?*

— Конечно. Я, во-первых, помню первый рассказ очевидца о том, что происходило в марте во дворе Варшавского университета. Эмиль Кардин, известный публицист, был в это время в Польше, был во дворе университета и, когда вернулся, рассказывал о том, что видел своими глазами. В это время происходила борьба в политбюро. Это был уже закат Гомулки, с которым всё-таки связывались какие-то надежды на демократические преобразования. Ситуация была использована для начала антисемитской кампании: «Сионисты во всем виноваты». Среди студентов, конечно, тоже были евреи, но это был просто предлог. И потом начался массовый исход евреев — из, по-моему, 35 тысяч, которые еще сохранились в Польше, 30 тысяч уехали. И некоторые из моих знакомых уехали тоже.

Я помню разговор с Михаилом Геллером в 1969 году. Его сын принимал участие в этих студенческих волнениях и был на

несколько дней арестован. Тогда он сказал, что не сможет уехать. Сам он в Польшу приехал только в 1963 г. из Советского Союза, где родился, учился, где семь лет просидел. И когда поляков начали выпускать, а жена у него была полька, то она репатриировалась в Польшу, и он уехал с ней. У него было огромное количество книг. Он мне сказал: «Я уже один раз свою библиотеку бросил, вот эту я бросить не могу». И, тем не менее, уехал и жил и работал в Париже всю оставшуюся жизнь. Так что люди уезжали, вовсе того не желая.

По рассказам моих друзей, которые провожали своих друзей, Гданьский вокзал — это было всё равно что кладбище, потому что прощались навсегда. Тогда люди не знали, увидятся ли еще когда-нибудь. Вот такие мои, можно сказать, непосредственные впечатления. Это было, конечно, тяжело.

У меня была старшая подруга — подруга, несмотря на большую разницу в возрасте, хотя одновременно они с мужем считали меня своей дочкой, замечательная была семья — Анна и Ян Сусман. Они были совершеннейшие космополиты. Во время войны оказались во Франции и после войны вполне там преуспевали: Ян работал в польском посольстве и занимался возвращением поляков на родину. Он был поляк, польский еврей. И Анна, которая родилась в России, до Франции жила в Риге и никогда в жизни не была в Польше, настояла на том, чтобы они переселились в Польшу, на родину мужа, строить социализм. Они были тогда убежденными коммунистами, во время войны были причастны к Сопротивлению. Так вот, в 1968 м они из Польши не уехали, хотя никаких иллюзий у них уже не было, сказали, что третий раз в жизни эмигрировать не могут, остались, продолжали работать, сейчас их обоих уже нет в живых.

Аня мне показывала записную книжку, где были вычеркнуты имена уехавших друзей. Вычеркнуты. Страшное было зрелище — эти странички, на которых осталось совсем немного адресов. Она говорила, что не может ходить мимо этого дома, мимо того дома, по этой улице, по той, потому что тут жили друзья, там жили друзья. Это очень было страшно, атмосфера была ужасная. Но потом стало посвободнее, уехавшие стали приезжать, кто-то возвращался насовсем, кто-то сотрудничает с поляками, занимается польской литературой, пишет по-польски, живя на Западе. Это как-то забывается. Но тогда было очень страшно.

— А тогда как-то обсуждали «традиционный польский антисемитизм» в вашей среде?

— Здесь, в Москве? Наверное. Только, я думаю, среди людей, которые знали, что происходит в Польше, интересовались или занимались Польшей. Ведь в печати у нас об этом ничего не было: «очередной сионистский заговор», вот, собственно, и всё. Не помню, чтобы много об этом говорили. И потом это началось ранней весной 1968 г, а в уже августе были чешские события, они всё вытеснили. Они были более понятны, больше задевали — потому что танки... В Польше это были их дела, а здесь — с прямым нашим участием. Вот, пожалуй, так. Может быть, я не всё знала, но думаю, что вряд ли широкий отклик был...

Я следила за польской литературой, старалась переводить самое интересное. И, надо сказать, мне везло. Я никогда не переводила того, что мне не нравилось. Особых заказов от издательств я не получала, иногда что-то предлагала сама. Вот так я начала печататься в «Иностранной литературе», где сейчас работаю. В 1975 г. меня впервые там опубликовали.

Все началось с полковника Пшимановского, автора знаменитых «Четырех танкистов с собакой». Представьте себе, этот полковник Пшимановский написал довольно острую, хотя и вполне укладывающуюся в рамки тогдашних социалистических норм повесть «По вызову». Это история некоего полковника, которого в разгар учений вдруг вызывают к прокурору. И он, пока едет, мучительно пытается понять, почему. Вспоминает какие-то свои грешки разного рода. В частности, у него был друг, ярый антисталинист, и он с ним на эту тему беседовал, даже как-то его покрывал, когда у того начались неприятности. В результате оказывается, что его вызвали совсем не по этому поводу. Повесть мне понравилась, я ее перевела без всякого заказа, стала показывать в разных местах и принесла в журнал «Иностранная литература». Мне сказали: «Слишком острая, это не годится». Но таким образом они узнали о моем существовании и предложили: «Принесите что-нибудь другое». Это были уже 1970-е годы.

И я перевела роман замечательного, уже покойного прозаика и поэта Тадеуша Новака «Черти». Новак был из плеяды так называемых «деревенских писателей», в Польше в 1970-е это было очень сильное течение. Эти «деревенщики», к тому же очень талантливые, многое себе позволяли, и тема была актуальная. В Польше всегда можно было писать смелее, чем здесь. После Новака я переводила Веслава Мысливского, еще одного замечательного писателя — «деревенщика». Вот таким путем, посредством Пшимановского, я попала в «Иностранную

литературу» и потом там довольно регулярно печаталась, чуть ли не каждый год что-нибудь для них переводила.

В Польше у меня появилось много друзей, настоящих друзей. В основном среди писателей — уж так получилось. Некоторых я унаследовала от своей тети, которая умерла в возрасте 60 лет в 1966 году. В последние годы жизни она успела довольно много перевести с польского и была в свое время переводчиком «номер один». В 1967 г., после ее смерти, поехав в Польшу, я познакомилась со многими ее друзьями, которые были старше меня, но стали моими друзьями тоже.

Очень хорошо помню, как весной 1967 г. мы о чем-то говорили с Виктором Ворошильским, и он сказал: «Ну, у вас же есть самиздат...» Как раз в это время Светлана Сталина сбежала за границу. В этой связи Ворошильский и сказал: «Вы это всё прочтете — у вас есть самиздат». Самиздат у нас, действительно, появился раньше, но и польский не заставил себя долго ждать и гораздо пышнее расцвел. Вскоре они начали выпускать уже просто настоящие книжки. Западная техника — им всякие типографские устройства доставляли. Я видела, например, самиздатского Оруэлла, уж не помню что, кажется «Свиноферму». Это вообще было замечательное издание с цветными иллюстрациями. Поляки в этом достигли большого совершенства.

Многие книги польских авторов я прочла изданными таким образом, благодаря тому что иногда ездила в Польшу. Не слишком часто, раз в три года, почему-то у меня получалось с такой периодичностью. Иногда целыми днями не вылезала из дома, если мне давали на несколько дней какую-то книжку, которую я не могла взять с собой, — там и читала. И Хласко «Красивые двадцатилетние» я переводила еще до того, как она вышла в Польше, если не ошибаюсь, по парижскому изданию. Переводить Хласко я начала не с «Красивых двадцатилетних», а с рассказов из каких-то сборников. Когда он еще не уехал из Польши, был там очень любим и превозносим, вышло несколько маленьких сборников его рассказов. Один рассказ у меня лежал давно, а еще несколько я перевела в конце 1980-х, когда у нас началась перестройка. И послала один или два рассказа в «Огонек». Там тогда был главным редактором Владимир Енишерлов, который сказал, что их напечатает. Но он ушел в «Наше наследие», и так в «Огоньке» это и кануло. В 1991 г. рассказы были напечатаны в «Иностранной литературе». А спустя несколько лет и «Красивые двадцатилетние» — сначала в журнале, а потом уже в сборнике, который я составила, но это значительно позже.

Сравнительно недавно у меня вышел «Польский комплекс» Тадеуша Конвицкого, но прочитала я его тоже в самиздатском издании, по нему и переводила, у меня оно до сих пор есть. Целых три номера самиздатского журнала «Запис» были полностью отданы Конвицкому^[1]. Но здесь этот роман я смогла напечатать намного позже, в 2002 м. Такие вот мои отношения с польским самиздатом.

Иногда за что-то приходилось бороться, а дальше выходило по-разному: что-то удавалось пробить, а что-то не печатали. Но печатали позже, как того же Хласко, который лежал, пока не пришло его время.

Довольно долго я не могла опубликовать документальную повесть Ханны Краль «Опередить Господа Бога» (Кстати, сейчас, вот только что, она вышла в другом переводе в журнале «Звезда» — там не знали, что существует уже мой перевод.) Это рассказ о восстании в варшавском гетто 1943 года. Главный герой — Марек Эдельман, один из уцелевших руководителей восстания в гетто. Ханна Краль, один из лучших представителей «литературы факта», в 1977 г. беседует с ним о том, что было в гетто, и о его сегодняшнем дне. Могу открыть вам секрет: эту книгу мне предложили опубликовать на Западе, если не ошибаюсь, в Париже. И я решилась. Придумала себе псевдоним, перепечатала текст на тонкой бумаге и отдала одному человеку. Но по каким-то неизвестным мне причинам, с изданием долго возились, а там подоспела перестройка, и повесть вышла в «Иностранной литературе» в 1989 году. Так что мне не довелось поучаствовать в «тамиздате». (Смеется)

Конечно же, дух в Польше всегда был более свободный. Я, когда ездила туда, всячески им напивалась. Кроме того, я и здесь часто общалась с поляками, потому что довольно много работала устным переводчиком с делегациями, которые приезжали в Москву, преимущественно киношными. В Союз писателей обычно приезжала публика малоинтересная. Там бывали конференции, гостей возили по Союзу, и всё это было очень официально. Да и в иностранной комиссии, как я понимала, чувствовали, что я им не подхожу, и меня не слишком часто туда звали. Но в Союзе кинематографистов в иностранной комиссии были нормальные ребята, я у них была довольно постоянным переводчиком и со многими интересными режиссерами работала.

Никогда не забуду два события. Одно — это январь 1981 года. До того я была в Польше летом 1980-го, буквально за месяц до событий в Гданьске, когда началась «Солидарность». Тогда уже

всё висело в воздухе, чувствовалось напряжение, но и какой-то подъем, начались рабочие выступления. И я во всем этом варилась, и впитывала, конечно, и мне это было безумно интересно. А вот что меня особенно поразило: я узнала от одного своего знакомого, члена партии, что партийная организация варшавского писательского объединения выпускает свое самиздатское издание. У них, в этих самых партийных рядах, появился нелегальный журнал! То есть дальше уж некуда.

А в августе грянуло. Я получала польские газеты — тогда сравнительно легко можно было подписаться. И всю осень, просто для своих друзей, буквально день за днем переводила отчеты о событиях, которые происходили в Гданьске. На машинке печатала эти переводы. Их нет, к сожалению, я кому-то дала почитать, и их замотали, ко мне они не вернулись.

— *Какой тираж был у этого издания?*

— Наверняка три экземпляра. Но, вот видите, ни одного не осталось, все раздала, потому что были друзья, которые этого от меня очень ждали.

— *Что это за круг, среди которого вы распространяли свои листочки с переводами?*

— Просто мои друзья, московская интеллигенция, которую интересовало, что происходит вовне. Круг — не скажу, что широкий. Я не занималась пропагандой среди совсем разных кругов.

— *Это было по их просьбе?*

— Конечно. Они меня расспрашивали. Я думаю, ну чего расспрашивать, когда я вам могу документально всё представить. Вот и всё.

— *Вы выписывали польские газеты?*

— Да, конечно.

— *И они так же регулярно приходили, как обычно?*

— Да. До военного положения приходили.

— *А после военного положения?*

— Перестали. Подписываться стало нельзя. Я не помню точно, с какого года, но с информацией было глухо совсем.

— В 1980-м какие это были газеты, не помните?

Я «Жиче Варшавы» выписывала, «Культуру»^[2], а еще «Жиче литерацке». Кстати, я вспомнила, там Хласко и печатали. И еще литературные журналы толстые: «Твурчость» много лет выписывала, мне и сейчас продолжают ее присылать. А из еженедельников еще «Политику»... Я помню, на «Руде право» даже подписалась в 1968 г., пыталась там что-то читать, чтобы быть в курсе. (Смеется)

— Никаких разговоров о том, что возможно у нас нечто подобное?

— Разговоры-то были, но сводились скорее к тому, что у нас такое невозможно. Особенно в начале 1980-х, когда узнали про «Солидарность». Ну что вы, у нас разве может быть что-либо подобное? У нас никогда — нет-нет.

— Почему?

— Считалось, что там выступили рабочие, а у нас настоящая рабочая солидарность невозможна, потому что народу это не нужно, неинтересно, он занят своими маленькими делами и на более высокий уровень не замахивается. Пожалуй, таково, более или менее, было общее мнение.

— Роль интеллигентов в «Солидарности» как-то обсуждалась?

— Ну, наверное. Стало известно, что у Валенсы есть советники. Это вызывало уважение: польская интеллигенция поддерживает рабочих. Наши рабочие — просто рабочие лошадки, а там рабочие всё-таки с головой. Пожалуй, так это можно сформулировать. Некоторые считали, что, возможно, интеллигенция этот взрыв подготовила, потому что, например, польские интеллектуалы всегда смело выступали против власти, писали письма в правительство, а теперь вот принимают в рабочем движении непосредственное участие. Но не скажу, что многих это волновало. Я сама изо дня в день следила за событиями, но не сталкивалась с теми, кто занимался серьезным анализом. Боюсь, ничего интересного на сей счет не смогу рассказать.

— Вы помните ваши эмоции?

— Ну как же, эмоции, Господи! Хваталась за эти газеты, слушала радио. Конечно, конечно, и радость охватывала необыкновенная, эйфория.

В январе 1981 г. меня зовут в Союз кинематографистов на совместное польско-советское заседание правлений. Это была

такая традиция: раз в два года собирались то в Польше, то в Москве — в этот раз выпало на Москву. Приехала группа лучших польских кинематографистов. Возглавлял делегацию Ежи Кавалерович. Там были Вайда, Кшиштоф Кеслёвский, был молодой режиссер-документалист Зайончковский, который прогремел однажды, потом я про него как-то не слышала. Он снял документальный фильм, который назывался «Рабочие-80», то есть он был на верфи во время стачки, всё это запечатлевал и сделал фильм, и об этом фильме тогда все говорили. Были еще Киёвский, Хмелевский, кто-то еще — человек шесть или восемь.

Идет заседание правления. Безумно всё интересно. Поляки приехали со значками «Солидарности» — все, кроме Кавалеровича. Осторожный старый лис, он хоть и был с ними заодно, но значка не носил. Вайда, я помню, попросил, чтобы ему доску поставили, начертил на ней некую иерархическую пирамиду, переворачивал ее с ног на голову и говорил, что в основании пирамиды должна быть не верхушка, не чиновники от кинематографии, а люди, которые делают кино. Все они были воодушевлены необыкновенно. А наши кинобоссы — Герасимов, Баталов, помню, был там еще Караганов, такой идеолог-теоретик, — были несколько смущены, выслушивая все это. И очень осторожно высказывались, пустые какие-то слова говорили. Я почему-то, наивная, думала: вот Баталов, замечательный человек, интеллигентный, сейчас он что-нибудь скажет. А он говорил опять-таки общие слова, совсем не то, что я бы хотела от него услышать. А потом нас — делегацию, и я при них — пригласили к тогдашнему министру кинематографии Ермашу. А Ермаш, этакий барин, очень важно, назидательно — так и виделось, как похлопывает их по плечу, — им говорил: «Ребятки, ну «Солидарность» — слово вообще-то хорошее, но вы особо не увлекайтесь. Все-таки оглядывайтесь на нас...» Советы давал.

— *А введение военного положения?*

— Это был прямо удар, страшный удар. Помню, буквально за две недели до этого я встречалась в Москве со своим другом, покойным уже, замечательным писателем Яном Юзефом Щепанским. Он был тогда, в короткий промежуток, в 1980–1981-м, председателем Союза писателей. Они с женой были где-то в Южной Америке и пролетали через Москву. Было известно, что от самолета до самолета целый день проведут в Москве. У него должна была состояться встреча с Виталием Озеровым, критиком, одним из членов правления Союза писателей. Тогдашний советник польского посольства по культуре Збигнев

Домино, сам писатель, встретил Щепанских на аэродроме и должен был отвезти в город на встречу с Озеровым. Домино знал, что за Озеровым, который жил где-то за городом, уже послана машина, и вдруг ему сообщают, что встречи не будет. Видимо, не встретить официально председателя Союза польских писателей кому-то показалось неудобным, но в последний момент решили, что — нечего! И Домино, надо сказать, повел себя очень благородно, хотя был официальным представителем Польши: он просто посадил Щепанских в свою машину, показал им Москву, повез к себе домой пообедать и позвонил мне. Это было воскресенье, я хорошо помню, я была дома. Он мне звонит и говорит: быстро приезжай в Шереметьево. Я жила на Речном вокзале и быстро приехала в аэропорт. Домино откуда-то знал, что мы дружим, может быть, Щепанский меня как-то упомянул. Они сидели в кафе, за столиком. Домино деликатно удалился, сказав, что у нас сорок минут времени. И мы сорок минут говорили с Яном Юзефом. Он был полон надежд и самых замечательных планов. Об опасности, хотя она уже висела в воздухе, по-моему, речи не шло, он рассказывал о том, что через две недели в Варшаве начинается конгресс деятелей культуры, приглашены гости из-за границы, будет обсуждаться новая действительность, роль и задачи деятелей культуры в новой жизни, которая начинается в Польше... И тут — бабах! В день открытия — или накануне? — нет, на второй день конгресса грянуло военное положение. Заседания были отменены, некоторые участники конгресса интернированы.

Кстати, я впоследствии перевела фрагменты из книги Щепанского, которая называется «Каденция», но, по-моему, я ее как-то по-другому назвала, тогда это слово было у нас еще не очень в ходу. Их опубликовали в «Вопросах литературы», но, конечно, позже, уже в перестройку. Это был практически дневниковый отчет о годе с лишним его пребывания на посту председателя Союза писателей, там очень подробно рассказывается, как вообще развивались события и, в частности, о том, как он боролся за тех писателей, которых интернировали. Кажется, там говорится о каких-то его предчувствиях, но я во время нашей встречи ничего такого не заметила. Очень уж велика была эйфория.

Летом 1984 г. я работала переводчиком с польской киногоруппой, снимавшей в Советском Союзе очередную серию приключений пана Кляксы по книгам Яна Бжехвы (это было совместное польско-российское производство). Месяц мы провели в Ереване. Работы у меня было немного, и всё свободное время я бродила по городу. Однажды набрела на

книжный магазин, где был отдел иностранной книги; было там и немного польских книг. К своему изумлению среди них я обнаружила книгу известного историка литературы Здислава Найдера о Джозефе Конраде. А изумилась я потому, что в то время Найдер был в ПНР персоной нон-грата: 13 декабря 1981 г., в момент введения в Польше военного положения, он находился в Оксфорде, решил не возвращаться на родину и возглавил польскую секцию радио «Свободная Европа». В 1983 г. в Польше его заочно приговорили к смертной казни якобы за сотрудничество с американской разведкой. Приговор был отменен в 1989 м, после падения коммунистического режима; в том же году Здислав Найдер вернулся в Польшу, был советником Леха Валенсы и Яна Ольшевского (в 1991–1992 гг. премьер-министра Польши). В этот книжный магазин я заходила еще несколько раз и однажды увидела в нем польских коллег из нашей съемочной группы, которые, как мне показалось, с некоторым испугом озираясь по сторонам, не видит ли их кто, покупали имевшиеся в магазине два или три экземпляра аудиозаписи автора.

А вот второй случай, который я тоже хорошо помню. Но это уже был не январь 1981-го. В декабре 1981-го — хлоп, военное положение, и всё закончилось. Пустота: ни мы к ним не ездили, ни к нам не приезжали. В Польшу я поехала только в 1986 году. Я переводила «Камень на камень» Мысливского, и кто-то мне сказал: «А ведь можно поехать в командировку». А меня тогда только-только приняли в Союз писателей, после долгого очень ожидания (на вступление в Союз была очередь), а когда приняли, добрые люди посоветовали: воспользуйся этим. «Тебе нужно поговорить с автором?» — «Нужно» (у меня, действительно, накопилось много вопросов). — «Вот и поезжай».

Мне дали три дня, и в конце 1986 г. я поехала в Польшу, впервые после событий. Я и правда встречалась с Мысливским, долго у него сидела, мы снимали вопросы. Успела кое с кем за эти три дня познакомиться. Помню, как я поехала к Дравичу. Известное лицо, тогда совершенно персона нон-грата, с которым, кстати, я в 1978 г. встретилась в Кельне. Тогда уже на него начались гонения, он не мог работать в Польше и, просто чтобы зарабатывать деньги, поехал в Германию, где читал какие-то лекции. Целый год он там, по-моему, прожил. И там я с ним тайком встречалась — ощущение такое было, что тайком, ведь это была Западная Германия, никто, разумеется, за мной не следил. Но!.. А в Варшаве, помню, я поехала к Дравичу на такси, оглядываясь, не следят ли за мной, без звонка приехала, не стала предупреждать.

— У вас были какие-то сложности личного порядка из-за этих контактов?

— Да пожалуй, не было, хотя... случилась одна непонятная история... Непонятная, но, скорее всего, с Польшей связанная.

Примерно через год после того, как я съездила в Германию, ко мне явился некий господин из КГБ. Он мне позвонил по телефону, очень вежливо: «Ксения Яковлевна, с вами говорят из Комитета (или как он тогда назывался, не помню) госбезопасности. Я бы хотел с вами поговорить...» Потом меня мои друзья ругали: «Ты не должна была ни в коем случае с ним разговаривать, сказала бы: шлите повестку». Но я растерялась страшно, никогда, ни до, ни после, у меня не было с этой категорией человечества никаких отношений. И я ему сказала: «Ну приезжайте ко мне, я дома». Он тут же зачитал мне мой адрес, который у него, разумеется, был, и сказал: «На метро, видимо, поездка займет минут сорок». И действительно, он явился через сорок минут.

Преимущество сразу оказалось на моей стороне — очень смешным образом. Дома я была одна, волновалась, естественно, перед таким визитом. Позвонила своей подруге и зашифрованным образом ей сообщила, что ко мне придет «Вацек». К одному из наших общих польских друзей был приставлен какой-то тамошний кагэбэшник, которого звали Вацек, и с тех пор это имя у нас стало нарицательным. Я говорю: «Если со мной что случится, ты учти — ко мне сейчас придет Вацек». Сообщила ей и жду. Что делать, не знаю, начала лихорадочно вытирать пыль в комнате...

И вот приходит. Я приглашаю его присесть за стол. Я жила на Фестивальной тогда, но стол был тот же самый. Такой пустой красивый круглый стол. А была у меня рыжая кошка Танечка, довольно самостоятельная особа, которая делала, что хотела, но на людей не нападала. Он, когда пришел, показал мне красную книжечку еще на пороге, не входя в квартиру. Я, конечно, от волнения ничего не увидела в ней, ну, книжечка и книжечка. Говорю: «Прошу вас». Молодой человек в кожаном пиджачке, аккуратненький такой, вполне интеллигентного вида, с кейсом. Только сел, как вдруг Танечка, такая палевая Танечка вскакивает на стол красного дерева и... дает ему по морде.

— Какая прелесть!

— Она его не поцарапала, но он был совершенно ошарашен. Я тут же ее схватила, заперла в кухне, чтобы она больше его не трогала.

— Она никогда этого не делала?

— Никогда! В том-то и дело! Максимум, что она могла сделать, — порвать чулки каким-нибудь дамам, потому что любила точить когти обо что ни попадя. Она вообще была довольно неуправляемая особа, но такого действительно никогда раньше не было. И потом не было. Она, правда, быстро погибла. Упала с высокого этажа, и ее уже не удалось спасти. Но в своей короткой жизни она больше таких подвигов не совершала (смеется). А я сразу пришла в себя и почувствовала себя хозяйкой положения.

Он начал издавать. Я была тогда членом группкома при издательстве «Советский писатель». Были тогда такие организации — профкомы литераторов (мы их называли группкомы), не Союз писателей, а более мелкие профсоюзные объединения. Было их в Москве несколько: при Гослите, например, а еще был профком драматургов. Членство в такой организации давало литераторам право на пенсию, справки мы у них получали, то есть не считались тунеядцами. А у нашего группкома были тогда какие-то неприятности, нас хотели закрыть, что-то такое... Он показал, что в курсе дела, и заявил, что решительно против того, чтобы нас закрывали. В общем, проявил свою осведомленность. А после этого говорит: «Наверное, вы много ездите?» Я говорю: «Да нет, не очень-то я много езжу, в Польше бываю иногда...» Он опять проявил осведомленность: «А вот вы еще были в Германии». И тут я поняла, что существует какая-то связь с Польшей, и сразу вспомнила свои встречи в Кёльне с Дравичем...

А еще я тогда же, в Германии, на Франкфуртской книжной ярмарке познакомилась с Хоецким, он был издателем «Записа» и прочего самиздата. Вот и все мои польские связи в Германии за тот месяц, что я там провела.

Да, и этот «Вацек» говорит: «Ну как, не было там никаких антисоветских выпадов?» — Я говорю: «Нет, что вы, мои немецкие друзья, к которым я ездила, — преподаватели русского языка (что чистая правда), они хорошо к нам относятся». — «А вот в связи с тем, что вы занимаетесь польской литературой, вопросов не было?..»

Это был 1979, а может, и 1980 год^[3], значит, в Польше уже какое-то брожение началось. И потом дал мне понять, что он с удовольствием поддержит меня, если я захочу поехать куда-нибудь опять. Но я сказала: «Знаете, я сейчас перевожу Сенкевича, огромная работа, это у меня займет года полтора, я сейчас никуда не езжу». Поговорили о чем-то немножко, и он

еще раз: «Ну, а вот ваши польские связи... Никто с вами в Германии не пытался на эту тему...».

Вот, собственно говоря, и все неприятности, которые у меня были, если это считать неприятностями. На прощанье он мне оставил свой телефон и сказал: «В случае чего, если у вас будут какие-нибудь проблемы, то, ради Бога, пожалуйста, звоните». Либо если я вдруг захочу ему еще что-нибудь рассказать... В общем, он готов в любом случае мне помочь. На том мы и расстались. Больше я его не слышала и, конечно, к нему не обращалась. Телефончик, боюсь, потеряла. Вот это единственный был случай.

По большому счету, обошлось без неприятностей, если не считать того, что в некоторых издательствах, которым я что-то предлагала, мне говорили: «Нет, сейчас не время это печатать». Взять хотя бы того же Пшимановского, который так и не был опубликован. Сейчас это уже не имеет значения, но так и лежит у меня где-то эта рукопись...

По-моему, в 1986 или 1987 г. сюда привезли фильм. Не помню уже фамилию режиссера, малоизвестный режиссер, который снял якобы правдивое кино про «Солидарность». Некая рабочая семья, внутри нее происходит раскол — сложные психологические отношения между отцом, который за коммунистов, и сыном, который рвется в бой, сокрушить коммунистическую власть. Такой был фильм — довольно-таки фальшивый, но хоть что-то из него можно было узнать. В Москве, наверное, его показывали в Союзе кинематографистов, ну а я с режиссером поехала на какой-то симпозиум в Армению, где его тоже показали. Вот так потихонечку восстанавливались прерванные, или полупрерванные, связи.

В 1989 г. в Москву пригласили Вайду. Я была его переводчиком. Провела с ним и его женой Кристиной Захватович несколько дней здесь, в Москве, совершенно необыкновенных, насыщенных, заполненных до предела. Собирались огромные аудитории. Помню, мы были в каком-то клубе университетском, но не в здании университета, а в общегитии, где-то в Черёмушках. На встречу с Вайдой пришла масса народу, люди просто на люстрах висели. Ведь это был человек из свободного, ну, скажем, начинающего быть свободным мира. Это было, кажется, вскоре после «круглого стола», когда в Польше поменялась власть. Да, это было начало осени 1989 г., еще совсем недавно, в июне, прошли первые свободные выборы в парламент. И тут из совершенно нового мира приезжает великий Вайда! Энтузиазм был всеобщий, атмосфера незабываемая, совершенно прекрасная.

Что касается кругов, интересующихся Польшей, могу рассказать одну любопытную историю. Это был 1989 год, весна, уже подходили к концу заседания «круглого стола». Дравич прислал мне молодого парня, рабочего с завода «Урсус» (не помню уже, как его звали), где были всегда если не более революционно настроенные, то социально очень активные рабочие. Дравич попросил, чтобы я его связала с нашим «рабочим диссидентством», диссидентством в рабочих кругах. (Смеется) Вот этого сделать я не смогла, потому что представления об этом не имела. Кого-то он всё-таки нашел без меня. Он немножко говорил по-русски, но плохо. В какой-то момент позвонил мне: «Ты не можешь помочь? Вот я тут в одном доме, приезжай». Я приехала. Это была квартира Дебрянской. Они тогда только организовали «Демократический союз». Это было весной 1989 г., это были события в Тбилиси — значит, апрель. А в Польше «круглый стол» проходил с февраля по апрель, значит, это было уже незадолго до июньских выборов. Прихожу я в какую-то жутко запущенную квартиру, такой лагерь, что ли, бивак. На полу в одной комнате лежали какие-то спальные мешки, в другой за столом сидела довольно большая компания, какая-то была выпивка, скромная закуска. Народу много — человек, наверное, 10-12, все мне незнакомые. Отчасти, возможно, рабочая молодежь. Все с большим интересом польского гостя расспрашивали. И тут произошло нечто — должна вам сказать как члену «Мемориала», — очень мне не понравившееся. Являются какие-то сияющие молодые люди, два или три человека, которые только что приехали из Тбилиси. Говорят: «У нас такие фотографии! Такие фотографии!» И начинают показывать ужасные снимки людей, изрубленных этими тесаками, лопатками саперными. Мне показалось, что не трагедия их ужаснула — они радуются тому, что могут что-то такое ужасное показать. Не понравилось мне это, хотя... может быть, я не права, не знаю. «Демсоюз» — это было яркое, смелое движение против власти. Я была на каком-то их митинге, не помню, до того или после, наверное, после, потому что в этой квартире, кажется, я даже не понимала, что это за сообщество. Митинг был на Пушкинской площади, выступала та же Дебрянская и какие-то еще ребята, очень горячо и убедительно говорили, я подумала: за ними будущее...

— Скажите, а что есть такое в поляках, чего нет у нас?

— У них, безусловно, всегда было то, за что я их и ценила больше всего, — чувство собственного достоинства и готовность его отстаивать. Помню, еще в конце 1960-х мой друг, покойный уже, замечательный писатель Корнель

Филипович спрашивал меня: «Ну чего тебе эти поляки так нравятся? Мы, с нашим гонором, нашим самомнением?..» И я ему примерно так и сформулировала: «То, что вы не хотите терпеть насилие, что вы способны на...(ну, может быть, это немножко романтические представления)... на взрыв, на подвиг. Вы готовы отстаивать свою независимость. И история это подтверждает». Вот это меня всегда очень в поляках привлекало.

А если говорить о литературе — это, конечно, гораздо бóльшая свобода высказываний. Даже когда были гонения на тех писателей, кто начиная с 1956-го, а в особенности после 1968 г. открыто выступал с критикой власти или каких-то определенных ее действий.

В Польше их печатать, как правило, продолжали. Ну, может, таких, как Хласко, который уехал и чего-то там в своих интервью наговорил, долгое время не издавали. Или, скажем, тот же Конвицкий: он не мог опубликовать свой «Малый апокалипсис» или «Польский комплекс», а другие его книги в это же время выходили. Никаких репрессий не было. Всё-таки большее количество степеней свободы.

Или, например, я помню... Какой же это был год? Вероятно, тот год, когда Папа первый раз приехал в Польшу [1979]. В костелах показывали документальный фильм о его пребывании в Польше. Я посмотрела этот фильм. Дравич меня повел. Мы выходим из костела, к Дравичу подходит какой-то человек, мне неизвестный, потом я узнала, что это был Северин Блюмштайн, диссидент. У него была толстая сумка на плече, он доставал из нее какие-то листовки и на улице совершенно открыто передавал их Дравичу, который должен был их распространить. Вот у нас такое было совершенно невероятно. Это, конечно же, меня восхищало, и я им завидовала: люди хоть что-то могут делать. Вот, пожалуй, это для меня всегда было главным. А уж разные недостатки — у кого их нет? (Смеется)

— А не было ли обидно, что поляки всё время дают нам фору, что они где-то на шаг, на полшага — а может быть, даже больше — впереди?

— Нет, обидно не было. Но я это заметила, естественно, и всегда искала — и находила — какие-то параллели. У них в общественной жизни постоянно происходили какие-то события, которые потом в той или иной форме повторялись у нас. Было немного завидно. Почему? Да потому, что они нас в

очередной раз опередили. Но и радовало: это же здорово! Я ведь польский патриот.

— Замечательно. А о том, что касается польских комплексов, польских претензий. Вам приходилось сталкиваться с какой-то артикулированной претензией к вам или хотя бы вопросами? Например, об ответственности.

— Нет, неприязни по отношению к себе я никогда не испытывала. Может быть, потому, что говорю по-польски. И поляки понимали, что я как бы на их стороне, я ими интересуюсь, я к ним расположена. Мои знакомые, в основном это был круг польской интеллигенции, понимали: мне-то зачем какие-то претензии предъявлять, я не несу ответственности за наше государство. А скажем, еду я в такси и начинаю разговаривать с водителем, он довольно скоро спрашивает: «Чы пани с кресув?» Кресы — это восточные окраины, когда-то принадлежавшие Польше, и там львовяне, вильняне, когда говорят, поют немножко. Наверное, я похоже говорю, все-таки у меня акцент есть, хотя говорю свободно, но акцент чувствуется. Когда выяснялось, что «пани з Москвы», а не с «кресув», могли последовать какие-нибудь упреки, кто-то мог сказать: «Что же это вы?..» Не более того, на уровне бытового разговора.

— Интересно. Не помните, какие это были упреки?

— Пожалуй, особенно и вспоминать нечего. Года два назад в Кракове, тоже с таксистом, у меня завязалась беседа, речь зашла о Чечне. «Что же вы так на нее набросились?» — вот что, примерно, я услышала. А как бывало раньше? Часто я слышала: «Ага, русская, ну, понятно... У меня тоже есть русские друзья, хорошие люди, но вообще-то, конечно, так себе народец». Но, повторяю, никогда это не звучало злобно. Я ничего такого не слышала... Так сказать, «нападали» по мелочи.

А насчет ответственности... думаю, я могу ее не разделять. Я ведь всё-таки всегда старалась лить воду на польскую мельницу. Перевожу и стараюсь пропагандировать, в какой мере могу, польскую литературу — это уже некое противодействие общей тенденции.

— Когда Польша перестала быть таким окном на Запад?

— Когда появилась свобода печати. У нас сейчас очень много переводной литературы — это когда-то люди изучали польский, чтобы читать издающихся в Польше иностранных авторов, да и к переводной польской литературе интерес был

очень большой. Вот, пожалуйста, вам пример, буквально, позавчерашний. Я составила польский номер нашего журнала [«Иностранная литература»], восьмой номер [за 2006]. А девятый номер — французский. Наш журнал теперь несколько раз в год выпускает такие «национальные» номера, отчасти потому что нас немножко поддерживают правительства, посольства или какие-то фонды этих государств. Они хотят, чтобы их литература была тут шире известна, они нам подкидывают деньги, а мы бедные, и мы с радостью за это хватаемся. Конечно, стараемся, чтобы номера были хорошими. Следующий после польского был французский номер. Наш журнал практически нигде не продается, кроме как в редакции, а еще в одном киоске, он «Новой газете» принадлежит, на Пушкинской площади в Москве. И я два дня назад, проходя мимо, разговорилась с киоскершей. Нашего журнала не увидела. Киоскерша сказала: «Да, все закончились, но мы заказали еще пачку номеров. И больше всего французского. Вот польский, — говорит (тут я помрачнела), — у нас не очень пошел. А французский — видимо, наша публика испытывает по-прежнему любовь к французской литературе — очень спрашивают». Вот вам, пожалуйста.

Я не хочу ничего плохого сказать про французскую литературу, но, ей-богу, она не намного лучше польской современной литературы. Тут тоже действуют стереотипы. Есть какие-то безумно популярные писатели, которые идут нарасхват, Коэльо например... Ну, Хмелевскую читают. А вообще-то про польскую литературу мало что известно. Имен не знают. Новые книжки выходят небольшим тиражом. Недавно питерская «Азбука» решила издавать Конвицкого, и даже переиздавать. Они меня нашли, прочитав в «Иностранной литературе» мой перевод, и выпустили сразу три романа Конвицкого. Я хотела еще один им подсунуть, «Бохинь», по-моему, лучшая его книжка, прелестная совершенно. Но редактор, который, собственно, ко мне и обратился и который ценит Конвицкого, сказал: «Вы знаете, плохо продается. Не будем пока больше печатать». Вот так!

Я думаю, что польская литература была тем самым окном, из их книг мы могли что-то узнать о мире. А сейчас нужда в этом отпала. Весь мир и так открыт. И все-таки польская литература сейчас, если сравнить с другими бывшими соцстранами, лучше известна и шире издается. Нашими, то есть переводчиков, стараниями...

— *Какое имела значение идеализация? Насколько идеализировалось реальное состояние в Польше?*

— Идеализировалось хотя бы потому, что там можно было «всё достать», — кроме того периода, когда во время военного положения и перед ним в магазинах были пустые полки. Представьте: приезжает человек из Польши и рассказывает своим знакомым, что там продаются красивые шмотки, там можно посмотреть в обычном кинотеатре западные фильмы, там (в 1950-е годы) танцуют рок-н-ролл, там джаз, там очень яркие красивые плакаты, там иностранные машины (хотя, по-моему, в 1970-е был только «Трабант», потом уже появились «Фиаты»), там частная собственность. Это все было очень привлекательно. Там нет колхозов, зато есть частные магазинчики. В Варшаве на Маршалковской — целый квартал таких магазинчиков, павильоны они назывались. Это было и в 1960-е годы. В каждой лавочке сидел хозяин, который тебя вежливо обслуживал, и ты чувствовал себя человеком. Вот такие вещи на бытовом уровне. Не говоря уж о том, что про поляков знали: они способны на высокие порывы... Еще было важно, что поляки гораздо свободнее ездили за границу. С Германией [с ГДР] вообще была открытая граница, и поляки без конца туда ездили, особенно из приграничных районов — тоже за товарами, кстати. В ГДР им не требовалось загранпаспортов. Вот это жизнь! Рассказы об этом передавались из уст в уста, а о высоких материях речи не шло. Так сказать, проблемы потребления, в хорошем смысле слова. У нас что-то недоступно, а у них доступно. Вот вам и идеализация.

Сейчас, конечно, есть люди, которых интересует то, что происходит в Польше, но я бы не назвала этот интерес особенно острым. Вот я веду семинар, так называемый «Семинар молодых», хотя у меня там участники разного возраста. Его организовал Польский культурный центр, мы уже пять с половиной лет существуем. Я очень собой горжусь, потому что сразу поставила полякам условие: мы не будем просто заниматься экзерсисами, мы хотим издавать книги. Пожалуйста, подкиньте денег. И мы уже пять книжек выпустили, некоторые с их помощью. Я очень люблю своих девочек, в семинаре у меня все девочки, недавно только один мальчик присоединился. Хотя я не расширяю состав, но кто-то время от времени внедряется, нас теперь 10 или 12 человек — это уже много, можно было бы набрать новую группу, но у меня просто нет времени, чтобы начинать еще раз сначала. Мы очень все сдружились. Все очень любят польский язык, литературу, большая часть семинаристов — филологи, хотя некоторые выучились польскому сами. К сожалению, у них мало времени для занятий польской литературой, все они зарабатывают на жизнь другим способом, очень заняты и не могут много переводить, да и читать не очень-то могут. Да, они любят

Польшу, они туда ездят, но, скажем, не лазят в Интернет, чтобы узнать, что там происходит изо дня в день. Как мне кажется, их это не очень интересует. Работа за столом (то есть за компьютером) — это да, это им интересно. Наверно, отчасти потому, что я их в это «встраиваю», прививаю вкус к переводу. А вот что делается там, в Польше, — это как-то остается в стороне...

Интервью для проекта «Польский миф: советские диссиденты, писатели, социологи о восприятии Польши и польских влияниях в 1950-х — 1980-х»

Записала Татьяна Косинова

Москва, 7 октября 2006

-
1. Два: в одном был «Польский комплекс», в другом — «Малый апокалипсис». — Ред.
 2. Варшавский еженедельник «Культура» (не путать с парижской «Культурой»). — Ред.
 3. Вероятно, уже 1981-й, когда Хоецкий был на Франкфуртской ярмарке, до того он был «невыездным». — Ред.

СТИХОТВОРЕНИЯ

У каждого свой единорог

Каждый гонится за ним всю жизнь,
а иногда — в проблеске молнии — видит.

У каждого есть свой единорог,

и своя обезьяна,

и лев — который держит вымпел с загадочным
гербом,

лев — который дрожит под апельсиновым деревом,

под миндалём,

под грушей.

У каждого есть служанка, протягивающая поднос,

и он не может ей отказать.

Каждый хоть раз в жизни сидел на поляне,

где гуляли пантеры и овцы.

Каждый хоть ненадолго был львом, удивлённо
созерцающим свой хвост,

пока дама со служанкой играют на органе,

а единорог начинает свой танец.

Каждый может уйти с головой в этот красный фон,

грозящий перерасти в его восторженный бред.

Лев жаждет добычи,

единорог желанен.

Белогорлый сокол на руке дамы

указывает ей траекторию полёта.

У каждого свой единорог и свой заяц, укрытый в
траве,

он гладит этого зайца

в минуты большой беды.

У каждого есть свой единорог и своя англичанка, та,
что сейчас

сидит между мной и моим (своим?) единорогом.

MON SEUL DESIR — у каждого есть пустой шатёр с этой
надписью,

но никто не знает, о чём она.

Каждый знает своё лицо —

скрытое в бездне,

и лисицу, мелькнувшую вверху на красном фоне.

Каждому — своя тайна. Своё благодарение.

(30.V.2005, Музей Ключи)

Дождь в Стамбуле

Босфор под дождём,

зонт под дождём. Дождь

по зонту барабанит. Могила

Лангевича под дождём. Грязь,

липкая глина. Дождём омыты

крупные зелёные фрукты. Журналистка

с телеканала «Культура» поднимает их, прячет.

Дождь над машиной. В лобовое стекло хлещет дождь.

Староста деревни Полонезкёй весь в дожде.

Дождь на польском кладбище. «Вы бы

склонились над могилой, так она лучше выйдет».

Склоняюсь, журналистка снимает. Под дождём.

Крыша ресторана «Леонардо» вся в ливне.
Стеклянная крыша. Ливень рисует цветы
над сладостями, над
послом (слева от меня),
над госпожой Дерналович (справа от меня).
Нимбы дождя, один над другим, над профессором
Одровонж-Пенёнжеком.
Скользя, мы идём
с юристом Гурецким
через Адамполь. Правнук,
вполне практичный, осел в Вильно.
Прадед здесь, в маленькой комнатке,
умирал под дождём, в грязи. Вдали от дворцов
султана. Петра тоже
тонет в дожде. Поднимается пар над криптой
(где искусственное надгробье и живые цветы).
Всё под дождём.
И эти бесчисленные огни
на забитой машинами
до отказа,
до отказа
автостраде на аэродром.
А когда садились в самолёт,
кончился дождь. Ветер
разогнал угрюмые тучи.
И мы увидели множество огней

с тёмной полосой Босфора.

(29 XI 2005)

* * *

Кто этот лебедь, чья шея длинная
рассекла небеса, с которых капает кровь?

Он миновал и нас, и плоскую нашу равнину,
и реки петляющий шов.

Кто эта птица, чьи крылья так мощно дышат,
не уронив ни пёрышка до сих пор?

Точен полёт. А в трепете крыльев слышен
многоголосый хор.

Птица — знак. Он не познан самою птицей.

Этот знак — о чём говорит он нам?

Чья — та кровь, что из раны неба струится,
без границ, даже там?

На этой площади

(фотография)

Хлюп да шлёп —

снег с дождём

облепил

площадь льдом.

Память де-

сятилетий

подо льдом

жарко светит.

И лицо

давних дней

там горит

в глубине.

Кто им мог

приказать?

...тот же смех,

те глаза...

Тех же губ

тот же блеск,

тот же дождь,

площадь, снег.

Suspice, Domine...

Suspice, Domine, sacrificium,

как принял ранее неисчислимы.

Того, кто действительно желал пребыть в Тебе,

чьё тело было храмом Твоим,

хотя он носил его как поруганное,

беспомощный перед облаткой как пищей телесной,

когда её принимал.

Его глаза верили, они искали Бога,

а уста говорили на разных языках.

Дни его были сочтены Тобой в самом начале,

предел их гибнет ныне в бескрайности Твоей.

Это был...

Это был маленький ящичек с пеплом,

ящичек поставили на зелёное сукно

со специальным отверстием,
чтоб было сподручней опускать в могилу.
Гранитная плита стояла вертикально.
Вокруг лежал снег, подморозило,
красные розы прикрывали трещины в совести.

(14 I 2006)

На смерть Анджея С.

Он говорил: печалишка.
Она растянулась
чёрной,
дождливой,
смешливой
тучей
над горизонтом.
(Он шагнул через все горизонты).
Дождь барабанит по небу.
Пролетает весёлая птица.

Жития

параллельны
но только начала их
совпадают
потом
уже ни на мгновение

Исе Катагами

неимоверно нежные
листья и чашечки вербы

на шёлке

на грани губ твоих

остановилось время

ты ощутила тёплый вкус

сакэ

у меня на губах

ПОЛОСЫ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Яцек Лукасевич — прежде всего выдающийся литературовед и критик, чья дебютная книга — «Старьевщики и герои» (1963) — подводила, наряду с другими, итог перелома: освобождения польской поэзии после 1956 г. от соцреалистической доктрины. Кроме того он — поэт, чье творчество годами оставалось в тени поэзии его более известных ровесников, таких, как Станислав Гроховяк или Уршуля Козёл.

Фиксируя свой моментальный автопортрет, Лукасевич замечает: «Вокруг двадцать первый век, / я не в его вкусе». Действительно: герой этих стихов — неторопливо прогуливающийся впечатлительный прохожий, обостренно чуткий к деталям, смакующий краски бытия. Однако согласие на случайность вписывает его в круг интеллектуального тестирования современности. Одно другому не противоречит. Времена накладываются, как в мудром, рефлексивно сосредоточенном стихотворении в прозе «Тучи». Его лирический герой, мастер пронизательного взгляда, коллекционер предметов, обнаруженных в картинных галереях на полотнах минувших эпох, изумлен: «Сколько туч осталось нам от семнадцатого века — какие странные у них формы, в каких спокойных они отражаются водах. (...) Сколько осталось нам цветов и плодов земных, утративших в пути свои значения: гусыня, смоква, меч, олень, нарцисс, фиалка, каменная башня. А над всем этим тучи, плывущие сквозь время, как по бескрайней синеве — в тревоге». Читающий эти слова, быть может, задумается: насколько поразительно отражение беспокойства в покое, экзистенции — в бренном бытии, времени — в безвременье.

Лукасевич — еще и мастер любовной лирики. Вот стихотворение без названия, наполненное цветами, чей символический язык (и давний, и современный) требует внимательного прочтения:

На высоких стеблях — розы в каплях росы,

фиалки во влажной зелени трав.

Мы любим друг друга так старательно, так неспешно,

освобождённые от ночи, от силы и от цветов.

Лукасевич — внимательный наблюдатель туч и облаков, этих неуловимых, расплывающихся знаков течения времени. Он знает, что «непостоянные мысли стекаются в предложения», и наконец признается: «Я верил в смысл, бумагу и перо, / в прилетающие слова». Слова эти складываются в разные поэтические узоры: от изысканной поэтической прозы, через «семисложные строки», до пространный, неспешной фразы свободного стиха; от ритма предложения до играющих омонимами рифмованных вспышек. Может быть, лучше всего этот тип восприимчивости документирован в двестишестидесятишестом стихотворении «Полосы образов»:

*Полосы образов приживаются в нас,
как бритвой полоснув по слепому оку.*

Внушающая сила этого образа вырастает из напряжения, вызванного неожиданным сравнением: эссеистическая зарисовка превращается в резкий набросок. Однако образы размыты — они разбегаются волнистыми полосами. Этот мотив — размытость, мгlistость, мерцание реальности — часто возвращается в поэзии Лукасевича. К примеру, вот фрагмент поэмы «Несбывшееся время»: «Атропин. Расширяет зрачки, обезболивает, / унимает дрожь, / успокаивает мир. / В успокоенном мире атропина / можно в замедленном темпе полумыслить, полужить». Отдельные яркие наблюдения сливаются в туманные полосы, чтобы проявиться в «Стих-влечении»: «под затянутым тучами небом, между дубом и тополем серебристым / тянется, не прерывается, разрастается этот стих».

Это поэзия неторопливого, замедленного времени. Времени, которое у каждого всегда — своё, личное. Можно сказать, вступая в беседу, мы открываем многослойность реального времени:

Он говорит: «Когда-то было иначе». «Чьё когда-то?» — спрашиваю я.

Разве не всякое когда-то — особый хронометр?

Неизменная изменчивость мира гарантирует сохранность гармонии под поверхностью сиюминутного, в сфере мифа, в пространстве искусства. Не случайно не только литературный контекст, но и отсылки к впечатлениям из области изобразительного искусства (цикл «Малые мастера» и ряд других произведений) играют в этой поэзии столь важную роль, становятся существенной точкой отсчёта для раздумий о

неуловимом смысле существования: «Есть только Беатриче, но её – то как раз и нет». Существование пронизано любовным чувством, как в прелестной миниатюре «Исе Катагами»:

неимоверно нежные

листья и чашечки вербы

на шёлке

на грани губ твоих

остановилось время

ты ощутила тёплый вкус

сакэ

у меня на губах

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ ВАРШАВЫ

Некоторые люди, считают, что история — довольно скучная и неинтересная наука. Таким заблуждением часто страдают представители точных наук. Физики, химики, математики привыкли пользоваться формулами, точными вычислениями, теоремами, которые можно доказать. Но и у истории есть свои законы, главный из которых гласит, что те, кто забывает ошибки прошлого, рискуют повторить их в настоящем и будущем.

Так сложилось, что в современной Польше именно историки играют первую скрипку в политической жизни страны. Да и мало кто поспорит с тем, что исторические мотивы оказывают ощутимое влияние на формирование как внешней, так и внутренней политики западной соседки Беларуси. Несколько дней назад я вернулся из Варшавы, где консультировал польских коллег, работающих над масштабным фильмом о советско-польской войне «Варшавская битва 1920 года». Знаменитый режиссер Ежи Гофман делает качественную и дорогую картину о событии, которое сыграло решающую роль в обретении Польшей независимости. Девяностолетний юбилей «чуда над Вислой» не прошел бесследно и для польской столицы, которая встречает своих гостей огромными плакатами Ленина и Пилсудского, расположенными друг против друга и надписью «Великая война 1920 года». Но на этом упоминание об исторических мотивах в повседневной жизни Польши не заканчивается. Многие журналисты отмечают, что их страну ждет череда памятных исторических дат, которые не пройдут незамеченными и для мирового сообщества. В Гданьске отметят тридцатилетие создания профсоюза «Солидарность», который сыграл решающую роль в падении коммунизма в Восточной Европе. С началом сентября Польша в очередной раз вспомнит сразу две трагические даты своей истории: начало Второй Мировой и вторжение Красной армии в ее восточные воеводства. Как видим, история задает тон многим общественным и политическим процессам в Польше и во многом влияет на риторику политиков.

Недавно польские СМИ сообщили, что президент Польши Бронислав Коморовский назначил одним из своих советников

известного польского историка Томаша Наленча, который как раз и должен будет работать над формированием исторической политики и стратегии нового польского руководства. В интервью польскому журналу «Политика» Томаш Наленч подчеркнул, что государство и общество должны концентрировать внимание на «раскрутке» тех исторических мотивов, которыми Польша может и должна гордиться. Например, крупнейшим в мире замком Мальборк или личностью Леха Валенсы, который стоял у начал новой Польши. По его мнению, историю нельзя использовать как пищу для формирования негативных эмоций, будь то внутри страны или за ее пределами.

Я полностью соглашусь с этими суждениями коллеги. Во-первых, у любой страны есть множество мотивов, которыми ее граждане могут гордиться и делают это. И политика государства в этой сфере как раз и должна основываться на пропаганде этих элементов исторического прошлого. Во-вторых, те государства, которые часто пытаются делать ставку на то, что их страна была жертвой или разменной картой в чьих-то внешнеполитических играх, загоняют свое общество в тупик. У граждан попросту формируется комплекс неудачников: нас, мол, все время били, унижали, мы были в роли аутсайдеров, нам все должны.

Безусловно, полякам ни при каких обстоятельствах нельзя забывать трагедию 17 сентября 1939 года, но этот мотив не должен становиться решающим при построении отношений Варшавы с Минском, Киевом и Москвой, как и то, что неуместно постоянно пенять англичанам и французам на то, что когда-то руководители этих стран бросили Польшу на растерзание бесноватому фюреру. Современные белорусы, украинцы, русские, французы и британцы не несут ответственности за политику, которую проводили тогдашние лидеры их стран.

Возвращаясь к интервью советника президента Польши, стоит отметить, что Томаш Наленч выступает за то, что историческая политика современного государства должна быть многогранной и разнородной. Нельзя оценивать прошлое с позиций настоящего. По его мнению, Третья Польская Республика в области исторической политики до последнего времени повторяла ошибки Второй (межвоенной) Речи Посполитой, где были ангелы и демоны, плохо и хорошо, красное и черное, где были крайности, но не было здорового диалога. Действительно, долгое время Польша не слышала и не хотела слышать доводы другой стороны, не было даже

предпосылок к диалогу. Но сейчас, по-видимому, ситуация изменится в лучшую сторону.

Президент Польши Бронислав Коморовский — по образованию тоже историк, выпускник исторического факультета Варшавского университета, априори не может не задуматься о выработке грамотной исторической политики своего государства, ведь от нее зависит очень многое и прежде всего отношения с восточными соседями. Одно то, что еще во время предвыборной компании тогдашний кандидат в президенты Польши Коморовский подверг критике желание своего оппонента Ярослава Качинского консультироваться по белорусскому вопросу с Москвой, говорит о многом. В интервью «Газете выборчей» уже после избрания на пост президента Бронислав Коморовский подчеркнул, что поддержка стремления по формированию сильных независимых государств на пространстве бывшего Советского Союза — это нормальная вещь, которая вытекает из ощущения ценности собственной свободы, из принадлежности к свободному миру. По его мнению, стремление к хорошим отношениям с Россией не может означать отказа Польши от поддержки прозападных устремлений Украины или притязаний других народов на свободу. «Именно поэтому высказывание моего соперника по выборам о желании разговаривать на тему польско-белорусских отношений с Россией прозвучало неприятным диссонансом. Интересно, что тогда подумали грузинские друзья Леха Качинского?», — отмечает президент. От себя добавлю, что в истории Польши уже были моменты, когда о ее собственной судьбе соседи втайне консультировались за ее спиной и приводило это к очень плачевным последствиям. На ошибках нужно учиться и делать правильные выводы.

Взаимовыгодные отношения между странами лучше строить, используя общий исторический контекст, не вырывая из него какие-то особые факты и моменты. Чем быстрее мы научимся уважать и ценить друг друга, тем быстрее будут сглажены острые углы в нашей совместной истории, а войны XX века нами будут вспоминаться в том же контексте, что и наполеоновские XIX века.

Варшава-Замостье-Минск

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В середине 2011 года Польша принимает председательство в Евросоюзе. В связи с этим подготовлена богатая культурная программа как в стране, так и за рубежом. Гвоздем программы в Польше должен стать Европейский конгресс культуры, который пройдет в сентябре во Вроцлаве. Свое участие в мероприятии подтвердили многие писатели, например Дубравка Угрешич, Умберто Эко, Амос Оз и Виктор Ерофеев. Конгресс будет проходить в течение четырех дней во вроцлавском Зале Столетия под девизом «Культура на благо общественных перемен». Стержнем дискуссии должны стать выступление и новая книга выдающегося социолога профессора Зигмунта Баумана «Сценарии европейской культуры», написанная специально к конгрессу. Среди почетных членов оргкомитета — композиторы Арво Пярт, Кшиштоф Пендерецкий, писатели Тадеуш Ружевич, Умберто Эко, Амос Оз, философ Петер Sloterdijk, хореограф Ян Фабр, режиссеры Анджей Вайда и Алан Паркер, а также Вацлав Гавел — писатель и первый президент демократической Чехословакии, а затем Чешской Республики.

Стремительно приближается также столетие со дня рождения Чеслава Милоша (30 июня). В связи с этим в Польше (прежде всего), а также в Литве и в США состоится много мероприятий, посвященных польскому нобелевскому лауреату. В Краков на второй Литературный фестиваль им. Чеслава Милоша (открывается 10 мая и продлится неделю) прибудет около 200 писателей, поэтов, переводчиков и знатоков творчества поэта с четырех континентов. Фестиваль организуется под девизом «Родная Европа» как важнейшее польское мероприятие в рамках объявленного Сеймом Польши и парламентом Литвы Года Милоша. К настоящему времени свое участие в фестивале подтвердили Вислава Шимборская, Дерек Уолкотт, Тимоти Гартон Эш, Бэй Дао, Роберт Хасс, Джейн Хиршфельд, Амин Маалуф, Зади Смит, Томас Венцлова, Адам Загаевский, Олег Лышега, Хелен Вендлер, Наталья Горбаневская, Андрей Хаданович.

В программе фестиваля поэтические вечера, тематические дискуссии, встречи с писателями, концерты, презентации книг, показ фильмов о Чеславе Милоше, семинар

переводчиков, а также научная сессия, организуемая Ягеллонским университетом.

Краковское Литературное издательство анонсировало много публикаций Милоша. В рамках Собрания сочинений выйдет новое издание «Родной Европы», а также «Литературная кладовая». Будет продолжен выпуск серии исследований о поэзии Чеслава Милоша «Момент вечности» под редакцией Александра Фьюта, печатается сборник трудов Марка Залесского «Вместо». Новым изданием выйдут также двуязычные сборники стихов нобелевского лауреата.

«Зешиты литерацке» начали Год Милоша публикацией сборника его эссе «Россия. Взгляд через океан» (см. «Новую Польшу» №2 за этот год). Составители сборника — Барбара Торунчик и Моника Вуйтяк, сам Милош так и не собрал эти эссе в один том. «Вышедшая подборка, — пишет Иоанна Щенсна в «Газете выборчей», — безусловно показывает, что книгу о России Милош писал всю жизнь». И добавляет: «О России, о ее мыслителях, философах, писателях он говорит одновременно с восхищением и недоверием. „Глубины» русской литературы были для меня всегда подозрительны, — писал Милош. — Зачем глубины, если они достаются слишком большой ценой. Не лучше ли из двух зол выбрать «мелкость», если вместе с тем иметь прилично построенные дома, сытых и ухоженных людей. И зачем мощь, если это всегда мощь центральной власти, а в запущенном провинциальном городке неизменно повторяется гоголевский «Ревизор»?»»

Бруно Шульц, польский еврей, писатель, живописец и график, автор двух прекрасных прозаических сборников «Коричные лавки» и «Санаторий под клепсидрой», вышедших до войны, по-прежнему привлекает внимание. Убитый во время оккупации чиновником гестапо в родном Дрогобыче, он предстанет героем художественного фильма режиссера Анджея Домалика. Шульца сыграет известный актер театра и кино Адам Воронович. Съемки планируется начать в сентябре, а фильм должен быть готов осенью 2012 г., к 70-летию трагической гибели автора «Коричных лавок». Обстоятельства этой смерти по сей день окутаны тайной.

— Я задаюсь вопросом, действительно ли Шульц должен был погибнуть, — сказал режиссер. — Не было ли это случайностью. Ведь у него уже были документы, чтобы ехать в Варшаву, которые ему подготовил его немецкий покровитель Ландау. Отъезд должен был произойти со дня на день. Согласно некоторым источникам, Шульца застрелили, когда он шел купить хлеба в дорогу. Если бы он не нарвался на улице на

облаву нацистов на евреев 19 ноября 1942 г., то, возможно, выехал бы из Дрогобыча в Варшаву и — кто знает — мог бы дожить до конца войны.

Тем временем в Супрасле художественный руководитель театра «Вершалин» Петр Томашук поставил «Трактат о манекенах» Шульца (премьера состоялась 14 января). Спектакль полон раздумий об истории и философии с ярко выраженным еврейским мистицизмом. Главный герой, Отец, — здесь не столько безобидный сумасшедший, сколько шарлатан, выдвигающий опасные идеи о новом человеке — те самые, из которых выросли все тоталитарные режимы.

«Дзяды» Адама Мицкевича в постановке Кшиштофа Бабицкого показал 5 февраля катовицкий Силезский театр. Бабицкий предпринял попытку найти в этом шедевре польского романтизма актуальные истины. Действие спектакля начинается в приюте для отверженных, выброшенных из жизни, оказавшихся на социальной обочине.

— Наше географическое положение не изменяется, — считает режиссер. — В «Дзядях» всегда важны польско-русские отношения, но меня заинтересовала экзистенциальная тематика. Я хотел показать людей чутких, «мечтательной болезнью зараженных», которые проиграли в нынешних крысиных бегах. Поэтому действие происходит в приюте, ночлежке, где под водительством Гусляра герои вступают в конфронтацию с прежними мечтами, представлениями о себе, проверяя, что от этого осталось.

10 февраля в краковском Оперном театре состоялась премьера «Зимнего пути». Переложение стихов Станислава Баранчака на музыку Франца Шуберта поставил Юзеф Опальский. В роли героя стихов, странника, движущегося по заледенелой пустыне современной цивилизации, выступил баритон Анджей Бегун.

В 1827 г. (за год до смерти) Шуберт создал знаменитый цикл из 24 песен «Winterreise» на стихи поэта-романтика Вильгельма Мюллера. Почти через 170 лет замечательный поэт и переводчик Станислав Баранчак, уже после отъезда в Америку, написал на эту же музыку собственные необычные стихи. Реквизиты: телевизор, автомобиль, самолет и компакт-диски — современные, но истина о человеческом существовании — пути сквозь зимнюю стужу к смерти, всегда в оковах льда, на морозе, всегда в зоне холода, где «две трети суток снег, а одна треть во сне», — вневременная.

В марте в Москве, как раз перед главной программой фестиваля «Золотая маска», пройдет показ достижений польского театра. Эта первая столь широкая панорама нашего современного театра в России — инициатива и плод сотрудничества фестиваля «Золотая маска» и Института Адама Мицкевича. Зрители увидят спектакли: «(А)полония» в постановке Кшиштофа Варликовского, «Бабель» в режиссуре Майи Клечевской, «Малый нарратив» Войтека Земильского, «Персона/Мерилин» Кристиана Люпы и «Т. Е. О. Р. Е. М. А.» Гжегожа Яжины. Отбор спектаклей осуществила польско-российская группа кураторов.

— Роль, которую в 1960-е — 1970-е играло польское кино в моральном, политическом, психологическом и общественном смысле, с середины 1990-х принял на себя театр, — считает Павел Поторчин, директор Института Адама Мицкевича. — Больше всего и самым полным образом, в художественно зрелой форме, можно узнать о современной Польше именно через театр.

Специально для фестиваля будет показана «Железнодорожная опера: Пролог» — совместный проект театральной группы «Коммуна Варшава» и московского «Liquid Theatre». Это предварительный вариант запланированного на осень 2011 г. театрально-музыкального представления, которое будет показано на Киевском вокзале в Москве. В этом действии будет использовано расписание поездов и записи разговоров со случайными пассажирами.

Бюджет проекта — около 3 млн. злотых, поровну ассигнуемых российской и польской сторонами.

В середине февраля на пресс-конференции сообщены результаты опросов о чтении, проведенных Национальной библиотекой и Центром изучения общественного мнения TNS ЦИМО в ноябре 2010 года.

— До 56% поляков не заглядывают ни в какие книги, даже в поваренные или словари. 46% не читают самых коротких текстов, статей или рассказов. Книг не читают даже достаточно образованные люди. Итоги исследования чтения 2010 г. не вдохновляют, — заявил директор варшавской Национальной библиотеки Томаш Маковский.

Согласно опросам 2009 г., лишь 38% поляков читают по меньшей мере одну книгу в год. Представленные свежие результаты демонстрируют рост до 44%. Все-таки рост? Есть повод для оптимизма? Вовсе не обязательно. Ранее вопрос

ставился об одной — по меньшей мере — книге в год, на этот раз «книга» понимается много шире: в это понятие включены альбомы, справочники, энциклопедии, словари и книги в электронной форме. По мнению директора Национальной библиотеки, отмеченный 6 процентный рост обеспечен главным образом за счет группы, которая именно так понимает чтение.

В 1950-е — 1960-е в Польше был прекрасный дизайн. В этом убеждает выставка в варшавском Национальном музее. Представлено около 180 предметов, в том числе мебель, ткани, керамика, стекло и плакаты. Важную часть экспозиции составила экспериментальная мебель — скульптурные конструкции, созданные с использованием лозы, металлической сетки, стеллажи из прутьев, связанных веревкой и нейлоновым шнуром. При Гомулке мы хотели и могли быть современными, но режим не позволял. Многие прекрасные вещи: керамика, стекло, столовые приборы, ткани, предметы повседневного пользования — остались лишь в моделях, так и не пошли в производство.

«На выставке есть доказательства того, что иногда, вопреки всему, кое-что удавалось, — пишет Дорота Ярецкая в «Газете wyborчей». — Кресло «366» по проекту Юзефа Геровского, выпускавшееся Нижнесилезской мебельной фабрикой в Свободзице, на вид очень скромное: дубовые подлокотники, серенькая обивка. Но на выставке оно показано как прекрасный пример подлинной продукции своей эпохи. Такое кресло мы еще увидим, быть может, в квартирах наших бабушек или на ближайшей помойке, когда новый жилец выбрасывает мебель прежних владельцев. Хочется крикнуть: “Не выбрасывайте, отнесите в музей!” Только в какой?» Призыв создать наконец музей польского дизайна представляется во всех отношениях верным. А пока нам остается знакомиться с жемчужинами польского художественного проектирования на выставке «Хотим быть современными. Польский дизайн 1955-1968» (выставка работает до 17 апреля).

Прощания

27 января в Варшаве умер профессор Ян Башкевич — выдающийся, всемирно известный юрист, историк и политолог, знаток эпохи Просвещения и истории Франции, сотрудник Института политических наук Варшавского университета. Ему был 81 год. Профессор Башкевич — автор нескольких сотен работ (в том числе около 30 книг) по всеобщей истории государственного строя, политических и юридических доктрин, польского государства и права, а также

по истории и государственному устройству Франции. Широкой публике он известен по неоднократно издававшейся «Истории Франции», а также по биографиям Робеспьера, Дантона, Людовика XVI и кардинала Ришелье.

27 января в возрасте 74 лет в Варшаве умер писатель, поэт, сценарист Анджей Шипульский. Он был автором театральных пьес и радиопостановок, сценаристом популярных телесериалов (в частности, сериала «Директор?»). Как сценарист Шипульский достиг триумфа в соавторстве со Збигневом Сафьяном. Под общим псевдонимом Анджей Збых они создали «Ставку больше, чем жизнь», цикл фильмов «Главный день жизни», сериал «Жизнь, полная риска» Анджея Коница.

9 февраля в Варшаве умер профессор Януш Мацеевский, историк польской литературы, выдающийся знаток Просвещения, литературный критик. После событий марта 1968-го он был изгнан из Варшавского университета с «волчьим билетом». С 1969 г. был сотрудником Института литературных исследований Польской Академии наук. В семидесятых годах сотрудничал с демократической оппозицией (с КОС-КОР). В 1980 г. вернулся в Варшавский университет. Был членом польского Пен-клуба, а в 1991-2001 — его председателем. В 1989 стал членом-учредителем Объединения польских писателей. Исследовательские интересы профессора Мацеевского концентрировались вокруг проблематики перелома от сарматства (польского барокко) к Просвещению, которой он посвятил многие труды, антологию «Литература Барской конфедерации», а также книгу «Дилеммы свободы. Закат сарматства и начало Просвещения в Польше». Ему принадлежит также монографический очерк «Циприан Норвид» (1992).

Вечером 10 февраля пришло известие о неожиданной скоропостижной кончине в Риме архиепископа Юзефа Жицинского. Скончавшийся в возрасте 62 лет митрополит Люблинский был не только выдающимся, просвещенным пастырем, богословом и философом, но и публицистом со своей выраженной позицией, видной фигурой в книжном мире.

Архиепископ Юзеф Жицинский исполнял обязанности великого канцлера Люблинского католического университета, был также основателем издательства «Библос», которое создал в ноябре 1990 г. в Тарнове, когда был епископом Тарновской епархии. Сотрудничал с издательством люблинского Университета им. Марии Кюри-Склодовской. Как архиепископу

Люблинскому, ему также было подчинено издательство Люблинского епископата «Гаудиум».

Юзеф Жицинский был автором многих научных и публицистических сочинений. В каталоге Национальной библиотеки значится 85 его книг.

«Он продемонстрировал пример религиозной публицистики, обращенной к окружающей нас действительности, без назидательного навязывания собственной правоты. Увы, менее известны его чрезвычайно глубокие богословские и философские размышления. С его кончиной польская Церковь стала беднее, а «Тыгодник повсехный» потерял большого друга», — сказал о. Адам Бонецкий, главный редактор «Тыгодника повсехного».

Огромная потеря, не только для польской Церкви, но и для польской интеллектуальной жизни.

Напомним также, что архиепископ был постоянным автором «Новой Польши».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я думал, что мне как-то удастся миновать тему смоленской катастрофы 10 апреля минувшего года, но вот уже который месяц идет, а тема в Польше по-прежнему горячая, уже даже кипящая, — и кажется, что мы не скоро выберемся из этой ловушки. Как в старом анекдоте: загляну в газету — Смоленск, включу радио — Смоленск, по телевизору — Смоленск... боюсь уже открывать холодильник. Один из интернет-порталов сообщил о молодежной инициативе провести 3 февраля «день без Смоленска», но после скандала и обвинений в отсутствии элементарных патриотических чувств молодые от своего замысла отказались. Я же, как профессиональный библиограф, убивший на эту работу пять лет (не столь уж нудных, но по другим причинам), могу себе представить, какая потрясающая задача ждет в будущем — скажем, через четверть века — того, кто решится составить «Библиографию смоленского дела». Получится увлекательная, толстенная книга со списком публикаций, расписанных по тщательно продуманному тематическому принципу, в которой почетное место займет раздел под названием «Покушение». Собранные материалы станут основой для различных политологических штудий, а также для исследований по социальной психологии, истории, польско-российским отношениям и Бог весть для чего еще. Разработка этих залежей, безусловно, увенчается потоком и кандидатских, и докторских диссертаций.

Но это музыка будущего, — надеюсь на прекрасную балладу в стиле блюз. А пока что текстов на эту тему всё прибывает. Вот в последнем номере воскресного приложения к «Жечпосполитой» — «Плюс-минус» (№ 5/2011) можно прочесть прострannую, на две полосы, статью Петра Скветинского «Пуговицы лейтенанта и польское дело». В ней автор, обращаясь к более ранним публикациям, в том числе тем, где рассматривается версия российского покушения на жизнь президента Леха Качинского, эту гипотезу расценивает как «нерациональную»: «Я не вижу политической цели, которую бы русские собирались достичь, убивая и так приближающегося к поражению на выборах президента». Отбросив эту гипотезу (признаем, все еще муссируемую и заново формулируемую), Скветинский переходит к вопросам,

по его мнению, самым существенным для попытки понять, почему доклад МАК «такой, какой есть», т.е. для поляков невыгодный и, по мнению многих, для поляков оскорбительный:

«Российская политика иррациональна (русские — мастера самой жесткой в мире real politic) и эмоциональна. Эмоциональна в смысле инстинкта, интуиции и традиции (...) но и в смысле мастерского оперирования этой эмоциональностью — которую русские умеют контролировать — для достижения самых конкретных целей. Рулевые российской внешней политики, вопреки образу, который они упорно и с большим успехом пестуют десятилетиями, никогда не реагируют истерически. Однако они прекрасно умеют, для достижения вполне определенных целей, контролируемым образом спускать на время истерику с поводка или попросту изображать ее. (...) Но в то же время, если у России есть действительно хороший повод, она поступает иначе, потому что, как мы уже сказали, она одновременно необычайно рациональна. (...) Если бы Туск в глазах Путина был «союзником наиболее желательным, самым надежным из возможных», это был бы как раз хороший повод, чтобы российское государство и далее держало себя по отношению к Польше так, как в течение первых дней после катастрофы, когда действовало вопреки интуиции, инстинкту и традиции. Тогда причиной такого поведения российского государства был страх перед тем, что поляки возложат на него вину за катастрофу. Теперь этот страх прошел, и его не заменило что-то другое. Этим «чем-то другим» могло бы быть стратегическое решение польского правительства о сближении с Россией. О продаже «Лотоса» «Роснефти». О сотрудничестве в строительстве российской атомной электростанции под Калининградом. Таких решений с польской стороны не последовало. И тем самым Туск, пусть и неосознанно, предопределил именно такой, а не другой характер доклада МАК. Ибо старая русская поговорка говорит: «Если хочешь сыграть с чертом в карты, нужно иметь очень широкие рукава». А Туск решил сыграть с чертом в карты не только без широких рукавов, но вообще в маечке. Ему казалось, что нормализация польско-российских отношений необходима, с точки зрения public relations, Кремлю так же, как и ему самому. Ему казалось, что у него есть гарантии прочной, безоговорочной российской поддержки. (...) Он ошибался. Москве эта нормализация была действительно вроде бы нужна, но намного меньше, чем ему. (...) В начале 2010 г. Польша сделала большой шаг навстречу России. Это могло быть причиной того, что в Кремле подумали: «Раз этот Туск так поступает, а ведь он премьер и зрелый политик, значит, он

решился хотя бы частично переориентировать Польшу в нашу сторону. Может быть, он продаст нам стратегические объекты польской энергетики. Будет поддерживать наши требования в Евросоюзе...» И тут неприятный сюрприз. Оказалось, что в Смоленске Туск целовался неискренне. Как обычный вероломный лях... Это могло придать рассуждениям Кремля определенную дозу раздражения». И отсюда, как нетрудно догадаться, столь неприятный для поляков доклад МАК. Понятно, от раздражения, вдобавок полностью контролируемого, как это всегда у русских.

Я должен бы извиниться, но моя роль здесь подсобная: *relata refere* — рассказываю сказанное. А рассказываю, чтобы показать, как один из наиболее видных правых аналитиков, главный публицист крупнейшего после «Газеты wyborczej» польского издания, кого приглашают в серьезные телевизионные программы, — как он конструирует свои выводы на тему польско-российских отношений, как видит политическую игру между Варшавой и Москвой, какими аргументами пользуется. Признаюсь, что пословица об игре с чертом и то, что русские у Сквецинского называют поляков «ляхами», доставило мне особую радость. Но с тем большим вниманием прочел я в «**Тыжднике повшехном**» (2011, №6) интервью с социологом и политологом Эвой Налевайко, озаглавленное «Состояние страха». В связи со смоленской катастрофой Эва Налевайко говорит о тех, кто видит в случившемся что-то вроде апокалипсиса:

«Смоленская катастрофа пробудила в них экзистенциальный страх. Зигмунт Бауман называл этот психологический механизм «синдром “Титаника”». Над современными обществами кружит некий призрак гибели: оказывается, что на каждого из нас, без повода и предупреждения, может обрушиться невообразимое, ничем не заслуженное несчастье. Раз оно пало на баловней судьбы — умных, богатых, знаменитых, — то в тем большей опасности мы, простые смертные. Поэтому надо предпринять всё, чтобы этого избежать. В первые дни после катастрофы люди, собиравшиеся возле президентского дворца, так объясняли журналистам то, что случилось: «Похоже, Бог разгневался. Наказал». (...) Следует, однако, отдавать себе отчет, что большинство из тех 20—25% поляков, кто убежден в версии покушения, отказываются выслушивать разъяснения из-за ощущения бессилия, вызванного отсутствием информации в первый период после трагедии. Другая значительная часть общества защищается от информационного хаоса и эскалации конфликтов на вершинах власти, выключая телевизоры. Эти люди чувствуют

пресыщение, они говорят: «Меня это уже не трогает, жизнь должна продолжаться, у меня много своих каждодневных бед». Следующая группа — около трети из нас — отмечает прогресс в ходе следствия, считая, что установление истины все ближе и, независимо от формы, будет каким-то катарсисом».

На вопрос о позиции Ярослава Качинского Эва Налевайко ответила: «Его стиль осуществления политики я бы назвала инфантильным. Есть что-то детское в установке: «А у меня своя истина, и я буду бороться со всем миром, пока он не услышит моего крика и топанья, пока не устанет и не уступит». Лидер Пис не только манипулирует окружением на манер ребенка, инстинктивно управляющего миром взрослых, он умело выбирает инструменты, необходимые для легитимизации своего представления о государстве и правлении им, что может создать иллюзию, будто он утонченный политик. А эти инструменты, из популистского репертуара мифов и капризов, настолько эффективны, что притягивают миллионы избирателей. Такую эффективность не сопровождает, однако, политическая зрелость, потому что политический лидер должен указывать направление к лучшему будущему, а Ярослав Качинский велит своим сторонникам оставаться в заколдованном кругу. Запутанность в тотальном недоверии, в подозрительности, в постоянном страхе перед предательством, заговором — это закрывает выход».

И в заключение Эва Наливайко так оценивает комментарии на тему катастрофы: «После смоленской катастрофы многие комментаторы заявляли, что люди увидели в жертвах представителей государства и, почитая их память, словно бы стали выказывать самому государству уважение. Это неправда. По моему мнению, эти высокие чиновники, депутаты, председатели в глазах среднего поляка перестали представлять государство в момент смерти и поэтому были снова включены в целокупность народа. А государство стало еще более чуждым».

Как минимум, государство той формулы, которую пробует навязать Ярослав Качинский. И не случайно, обращаясь к организуемым им очередным месячинам «катастрофы» и маршам к президентскому дворцу, исследовательница настаивает: «Обратите внимание, что мифологизация 10 числа каждого месяца, словно трагедия начинается вновь и снова предатели и предательство, весь этот ритуал упрочения эмоциональной памяти, требования памятников, или «наших» святых мест, происходят посредством присвоения общего времени и пространства. «Наша», лучшая в моральном смысле, страта демонстративно вычеркивает из этого

пространства «не наших». Культ «нашести» — это отрицание гражданской общности».

Но этот культ все время укрепляется, как укрепляется и культ Леха Качинского. Пожалуй, несколько сатирически, но литературно чрезвычайно убедительно это выразил Ежи Пильх в своем дневнике, который регулярно публикуется на страницах «Пшекруя». Признаюсь, что я читаю это произведение с гораздо большим увлечением, чем дневник Витольда Гомбровича, публиковавшийся в свое время в парижской «Культуре», и всё больше убеждаюсь, что летопись Пильха займет в нашей словесности место, как минимум, вровень с произведением автора «Порнографии», а раз написал «как минимум», то и не исключаю, что место это будет более высоким и славным. В последнем фрагменте (2011, №5) Ежи Пильх касается визитов нынешнего и бывшего президентов в предназначенную для главы государства резиденцию в Висле и приводит слова жителя этого городка, который рассказывает автору:

«Знаешь, Ежи, самое удивительное в приездах пана президента — это полное отсутствие, — во всяком случае видимой, охраны. Всё открыто, доступно, всё работает. Почти невероятно. К президентской чете каждый мог смело приблизиться. Тем более это было заметно, дорогой Ежи, что, когда прежний, покойный пан президент должен был раз сюда приехать, Вислу превратили в осажденную крепость. Уж поверь мне. Дороги закрыты, шпалеры солдат, толпа натыкающихся друг на друга охранников, все магазины, почта и аптека — на ключ, даже библиотека закрыта. Как будто вылазки ждали со всех сторон. (...) Между прочим, что особенно комично, монарх так и не прибыл. (...) Знаешь, Ежи, я думаю, что он, пожалуй, искушал судьбу, а может, и Господа Бога. Эта охрана, эти противотанковые заграждения, пуленепробиваемые жилеты, эта историческая политика смерти, этот культ убитых, эта болтовня, что «если бы красноармейцы грузинскую границу прорывали иначе, я бы, наверное, с вами уже не говорил», — всё это было дурным, именно дурным, но явным вызовом судьбе. (...) Я большой сторонник и любитель теории заговоров, в Висле меня поэтому считают сумасшедшим, но ты сам знаешь, что меня всегда считали сумасшедшим. (...) Не надо тут изобретать велосипед. Любая собака знает, что оставшийся в живых брат был лидером, руководителем, учителем и хозяином дуэта. Он смотрел дальше, острее и проницательнее, он знал, что брат выборы проиграет и скоро станет политическим трупом, и ничего тут не сделать. Ничего, за исключением одного. (...) Что лучше: живой труп,

отправляющийся в забвение, или настоящий, направляющийся в Вавель? Кому вечная народная память? Политическому недотепе или герою, замученному и убитому москалями, суждена вечная жизнь? Да, Ежи! Таким вот невероятным способом брата выручить и возвысить, — это любовь, достойная Шекспира и Достоевского, вместе взятых».

Признаюсь, что, когда я это читал, в душе звучали слова национального гимна: «Еще Польша не погибла». Наверное, это не очень патриотично и не совсем политкорректно, но как-то не затихал внутренний смехок и, что хуже, так и не затих. Могу только повторить слова, которые в семидесятые годы услышал в одном из студенческих капустников: «У меня есть собственные взгляды, но я неустанно с ними полемизирую». Потому что действительно трагедия случилась — и не время и не место шуткам. С другой же стороны, если посмотреть на следствия этой трагедии, читать все эти бесконечные комментарии, вписывающие авиакатастрофу в серьезный политический дискурс, то дух противоречия в силу вещей пробуждается — тем более что интеллектуальный уровень этих бессонных раздумий освобождает от серьезного к ним отношения. Но если именно они — зеркало, в котором отражается картина нашей политической мысли, то призыв молодых людей хотя бы об одном «дне без Смоленска» следует расценить как сигнал тревоги.

Я ХОТЕЛ ОТКРЫТЬ ДРУГУЮ РОССИЮ

— Мои первые контакты с Россией были резко отрицательными, что естественно для моего поколения. В 1939 г., в самом начале войны с немцами, после эвакуации мы оказались на Волыни, то есть на Западной Украине. И 17 сентября мы находились в той зоне, куда вошла Красная Армия и где был вскоре арестован мой отец. Он впоследствии погиб. Вероятнее всего, он был в Луцкой тюрьме. Во время ее ликвидации в 1941, в начале немецко-советской войны, все заключенные почти поголовно были расстреляны. Мы же с матерью получили предложение, от которого нельзя было отказаться, — «добровольно эвакуироваться вглубь России». Моя мать оказалась достаточно умной, чтобы это «добровольное» соглашение сразу подписать. И в ту же ночь мы удрали на территорию тогдашнего Генерального Губернаторства — в зону немецкой оккупации. Естественно, у меня осталась травма от всего тогдашнего русского, условно говоря, скорее советского, я не различал этого в те времена.

— *Сколько вам было лет?*

— Это 1939 год — значит, семь... И когда в январе 1945 г. та же Красная Армия освободила меня доблестным, великолепным маневром (он действительно спас жизнь многим жителям Ченстоховы, где я тогда находился), — я жутко боялся. Я боялся тогда этих русских, вернее советских, больше, чем немцев. Немцы тоже отпечатались на моей биографии. Мы прожили под ними пять лет, и нам было очень несладко.

Потом настали другие времена, и я перешел в период индоктринации коммунистической идеи. Я очень азартно и увлеченно ввязался в это дело. Большая часть моего поколения была привлечена внешним блеском этой идеи. И хотя происходило все это в самое страшное время — в ранние пятидесятые годы, — мы ничего не знали. При этом мне было известно, что мой отец погиб в Луцке. Но, представьте, какой-то удивительной любовью, может быть, сейчас непонятной, по какому-то принципу двойного мышления, я искренне любил Иосифа Виссарионовича. Такие феномены были возможны. Читал взахлеб очень плохую советскую литературу, пытался понять стихи, тоже плохие, а иногда хорошие, но совершенно мне тогда еще недоступные — Маяковского, например. Все

увлекались Маяковским. Я почти ничего не понимал, но очень старался. Старался вплоть до известной встряски 1956 года. Именно тогда я начал что-то понимать. Я начал понимать, что русская культура — это что-то очень серьезное, очень глубокое, о чем я никакого понятия настоящего не имею. И что надо бы мне, стоило бы понять наконец, что это такое.

И так получилось, что сразу после окончания моей университетской учебы я стал работать в польско-советском институте, начал уже привыкать и примыкать к эмоциональным каким-то областям. С тех пор я уже более-менее регулярно занимаюсь русской литературой в условиях официальных и неофициальных.

В 1960-х годах я стал регулярно ездить в Советский Союз. И благодаря хорошим контактам, а особенно благодаря моей жене-москвичке, я был вхож в писательские круги.

— *Можно сразу же подробнее сказать о роли вашей жены? Кто она?*

— Жена сыграла огромную роль. Я с ней познакомился в 1963 г., примерно тогда же, когда и с Осей Бродским. Мы быстро решили пожениться. Она филолог по образованию, закончила Московский педагогический институт. В университет ее не взяли на русскую филологию, поскольку она полуеврейка, а это был 1951 год. Она стала специализироваться в области языковедения, особенно фонетики. Приехав в Польшу, она преподавала русскую фонетику в Варшавском университете. В 1963 г. в Москве она работала секретарем секции поэтов в Московском отделении Союза писателей. Так что всех она знала, дружила с хорошими людьми, ее там очень любили и ценили. Поэтому мне и было гораздо легче, чем кому-нибудь войти в круг этих людей. Ее зовут Вера, Вера Яковлевна. В будущем году тридцатилетие нашей свадьбы — это уже хороший срок. Она очень во многом мне помогла. Прежде всего я обязан ей знанием языка. Какие-то тонкости языковые, общелитературные я бы, наверное, не постиг без нее и сделал бы массу ошибок. Свои книги о России я действительно, как правило, чистосердечно посвящаю ей. Я очень многим ей обязан.

Так вот о круге знакомств. Успел я познакомиться с Анной Андреевной Ахматовой. Меня принимала Надежда Яковлевна Мандельштам. Застал в живых и самого Крученых, то есть успел пообщаться с людьми, которые были живым воплощением истории русской литературы. Не говоря уже о среднем поколении фронтовиков, со многими из которых я успел подружиться, с Самойловым например. Или с более молодыми,

начинающими поэтами, особенно с Андрюшей Вознесенским, Беллой Ахмадулиной и так далее. Очень ценил также дружбу свою с Борисом Абрамовичем Слуцким.

А в 1963 г. весной мне посчастливилось получить хорошую рекомендацию в Ленинград. И чуть ли не в первый же вечер я пригласил к себе в гостиничный номер молодого, немножко безумного поэта, с волосами рыжего цвета. Он вошел и почти с порога начал мне читать «Большую Элегию Джону Донну». Конечно, легко задним числом себе приписывать какие-то там видения-провидения. Но надо было быть большим дураком, чтобы не понять сразу, что это есть великий русский поэт, который будет прямым наследником Ахматовой, Мандельштама и Пастернака. Иосифу Бродскому было 23 года, и о нем ровно никто, кроме довольно узкого круга в Ленинграде, еще ничего не знал. И получилось так, что кусочек этой «Элегии» я перевел на польский язык и тиснул этот перевод в журнал «Вспулчесность». Цензура, слава тебе Господи, не имела понятия, кто там такой Бродский — не Бродский. Это была, оказывается, самая первая публикация какая-нибудь где-нибудь стихотворения Бродского — осень 1963 г., еще до процесса над ним. После процесса польская цензура уже знала о Бродском.

Хорошие контакты и знакомства избавили меня от грубых ошибок вроде вхождения в какое-то официальное русло, таких обязанностей у меня никогда не было. Я начал систематически заниматься русской литературой и пользовался некоторым либерализмом польской цензуры по отношению к русской литературе, которой по-настоящему наша цензура не так уж интересовалась, не так хорошо в ней разбиралась, и поэтому много можно было сказать. Еще в 1968 г. вышла моя книжечка «История русской литературы с 1917 по 1967 год», где, например, был хороший абзац об Александре Исаевиче Солженицыне. Единственное, что тогда потребовала от меня цензура, снять портрет. Фотографии не должно было быть, а писать можно было.

В 1970-х стал преподавать. Поздно, правда, начал я преподавательскую карьеру, если это можно назвать «карьерой». Это было во время нашего сопротивления, которое началось с культурного сопротивления. Мы это называли «второй циркуляцией». У нас в Польше всё издавалось типографским образом, а по сути являлось очень крепким, сильным «самиздатом». Нам удалось издать очень многое из русских тамиздатских и самиздатских книг, мы познакомили нашего читателя довольно широко с теми произведениями,

которые парадоксальным образом стали доступны российскому читателю только в последние годы. У нас в Польше интересующийся человек уже давно, если хотел, мог прочитать и Солженицына, и Войновича, и Владимирова, и Бродского, которого мы печатали еще до Нобелевской премии.

— В чьих переводах?

— Бродского переводили многие, несколько моих коллег. Потом за это дело взялся исключительно даровитый и феноменально работоспособный переводчик Станислав Баранчак, который сейчас преподает в Гарвардском университете. Он сделал огромную работу — перевел большинство стихотворных текстов. Могу сказать, что с большим удовольствием внес и свою скромную лепту в этот котел. У меня был так называемый магистерский семинар, то есть семинар дипломников в краковском [Ягеллонском] университете. На этом семинаре почти все ребята захотели писать работы об эмигрантских или самиздатских писателях типа Венички Ерофеева. А одна очень талантливая девочка, Кася Кжижевска, сказала, что она только о Бродском будет писать. Это был год 1985-й. После военного положения. В предыдущие четыре года нас слегка, можно сказать, встряхнули. Ваш покорный слуга тоже посидел немножко в одном таком «спеццентре» [в лагере для интернированных — с 13 декабря 1981 до октября 1982], хотя это не сравнимо ни с каким лагерем, естественно... И я сказал: «Ребята, поймите, я не вполне уверен в завтрашнем дне. Завтра меня могут затолкнуть куда-нибудь по политическим причинам, и вы останетесь без наставника. А ваша работа пойдет насмарку, потому что мой наследник может не захотеть такими каверзными темами заниматься. Давайте заключим такое соглашение: мы сознательно рискуем, или этого не стоит делать?» Они ответили: «Идем, идем на риск». И что получилось? Представьте себе, приходит год 1987-й. Летом моя Кася защищает с блеском свою великолепную диссертацию. Осенью Ося получает Нобелевскую премию, и Кася становится вдруг самым желанным бродсковедом во всей Речи Посполитой. Ее диссертацию рвут на части и печатают везде, где только можно, потому что никто практически не знает, кто такой Бродский. Она тут же начинает переводить. Очень хорошие переводы. Так что кое-что удалось сделать.

— Существуют эпохи сближения и эпохи отдаления между двумя культурами. Для вас эпоха сближения — это какой период, если можно выделить какие-то отдельные периоды? И наоборот?

— Начнем с эпох отдаления. Естественно это те периоды, когда внешнеполитические условия не способствовали сближению.

Хотя это не всегда совпадало. Но политический фактор играл тут свою роль, не всегда прямолинейную, иногда наоборот. Например, во время межвоенного двадцатилетия официально мы же были почти на ножах, еле-еле друг с другом контактировали. А все-таки русская литература, особенно некоторые ее произведения, была очень популярна. И даже тогдашняя русская советская литература очень была популярна в Польше. Например Зощенко. Или, скажем, Алексей Толстой и Шолохов, с одной стороны, и Ильф и Петров, с другой, которых очень охотно читали. Были популярны также поэты эпохи «русского серебряного века», хотя в более узком кругу. Потому что всё это воспринималось свободно. Можно было читать это, а можно — все остальные литературы мира. Кто хотел — этим интересовался, несмотря на некоторые политические препятствия, даже вопреки им. Вы знаете, мы, поляки, народ такой, что если от нас чего-то требуют, то мы охотно делаем наоборот. И по этому принципу парадоксальному после войны, когда все способствовало обратному, у нас, естественно, стали сопротивляться этому. Потому что нас гнали, толкали в ту сторону. В результате получился довольно грустный феномен — прошедшие сорок лет царствования официальной дружбы, пропаганда и массовые тиражи советских книг. Русская культура стала вновь внедряться насильственным путем, стала обязательной. Так в свое время Пастернак сказал о повсеместном внедрении Маяковского: «Как картофель во времена Екатерины II». И делалось это посредством таких «шедевров» последнего периода сталинского социализма, как «Далеко от Москвы», «Кавалер Золотой звезды» и так далее. Естественно это вызвало очень сильную ответную реакцию, типично польскую реакцию — реакцию сплошного недоверия. И это засело очень глубоко. И до сих пор средний поляк инстинктивно оказывает сопротивление. Он сопротивляется всему — и плохому, и, к сожалению, хорошему. На всякий случай не хочет ничего воспринимать. И очень непросто доказать этому среднему поляку, что, несмотря на все официальные лозунги и на всю ложь советского периода, русская литература имеет настоящие ценности. Поверьте мне, это очень непростое дело, и мы все еще имеем дело со стеной недоверия. Хотя при этом мы имели Солженицына, который сыграл, конечно, огромную роль. Имели наши подпольные издательства, широко распространявшие русскую литературу. Мы имели такие феномены, как замечательный успех Бабея сразу после 1956 г., великолепный успех Булгакова. Конечно, «Мастер и Маргарита» стала настольной книгой. С поляком вы всегда можете поговорить о «Мастере и Маргарите», и в каком-то широком интеллигентском кругу в Польше все будут понимать друг друга. Любимым нашим писателем среди

широких кругов молодежи стал Веничка Ерофеев. Я тоже считаю, что это один из самых любимых русских писателей — совершенно феноменальный успех.

Приведу такой пример, не называя фамилии, поскольку этот человек [Тадеуш Мазовецкий] потом занял очень высокий государственный пост в нашей нынешней свободной жизни, а я с ним вместе был интернирован, как это называлось, в 1981 году.. Я ему когда-то подсунул Трифонова, его замечательный «Дом на набережной»: «Попробуй почитай» — говорю. Он человек очень образованный, утонченный, образец польского интеллигента. Он прочитал книгу, пришел ко мне и говорит: «Анджей, какой замечательный писатель! Великолепный! Я понятия не имел. Есть у тебя еще что-нибудь его? Давай быстро». Я дал ему «Другую жизнь»... Понимаете, это, увы, довольно типичное явление: утонченные интеллигенты, ощущающие себя гражданами мира, великолепно знающие литературы всех западных стран, могут, вернее могли, до самых последних лет почти не знать современной русской литературы, считая, что там ничего интересного нет и быть не может. Но ситуация все-таки меняется, она должна меняться, другого выхода нет. Просто надо работать, работать и работать.

— То, что называют «польскими комплексами», стереотипами сознания по отношению к русским, как это можно преодолеть?

— Думаю, это уже уходит в прошлое, хотя где-то, конечно, они существуют. И у нас, и у вас есть стереотипное мнение друг о друге. Оно сформировалось в давние времена, и оно в какой-то степени всё еще живо. Поляк для многих русских — это «польский пан, это кичливый и коварный лях, зачастую нечистый на руку, обхаживающий русских девушек» и так далее. А русский для нас — это «раб всех времен и властей, который навсегда согнул спину под татарским игом и не способен эту спину распрямить, он будет послушен, никакого сопротивления он никогда не оказывает». Вы поете: «Помнят все атамань, помнят польские пань...» Иногда, правда? А мы в свою очередь тоже имеем такие песни: «Большевика гонь-гонь, гонь». Примерно того же периода, понимаете? Это существует. И просто надо работать над изменением этого стереотипного мышления.

Я вам дам свою книжку. Там я как раз пишу об этом. Первая статья, «Тяжба о России», — как раз о том, что пора уже отказаться от стереотипного мышления. Одна часть статьи — в форме письма к русским, а вторая — к полякам. Я им просто говорю: «Ребята, история России очень сложная, такая-сякая и так далее. И во время советской власти нельзя сказать, чтобы не

было никакого сопротивления, сопротивление было с самого начала. Кронштадтское восстание, Тамбовское, Кенгирский бунт...» Я объясняю им, что, как сказал Александр Исаевич, это не было рабство, но насилие было настолько сильное, что было трудно бороться против него. А русским эмигрантам я пишу, чтобы они тоже не были слишком высокомерны и кичливы и не думали, что в России уже всё кончилось. Был такой период, особенно Максимов тогда придерживался такой линии во второй половине 80-х годов. То есть всё это надо постепенно-постепенно как-то опровергать самой жизнью. И если будут более благополучные времена в смысле нормальности политических, межгосударственных отношений, то это всё пройдет и, может быть, пройдет довольно быстро. Впервые за всю историю настало такое время, когда у всех у нас нет никакого интереса к вооруженной конкуренции, к натравливанию друг на друга. Потому что ничего больше уже приобрести этим путем мы не можем, а можем только потерять наше место в нормальном евро-азиатском мире. Я думаю, что сами условия, если они станут более или менее стабильными, нам помогут. Даже то, что люди к нам приезжают торговать, так много людей сейчас просто стоят на улицах и продают разные вещи — это тоже неплохо. Там есть очень разные люди, и очень интересные контакты получаются вдруг неожиданно. Приезжают очень интеллигентные, интересные люди, с которыми интересно иметь дело. И потом, это уже более нормальные контакты, хотя бы на таком низком экономическом уровне. Пусть они будут и такими.

— Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете роль, которую может играть русская культура для Польши, для польской культуры?

— Я думаю, во-первых, это может быть тип вызова для нашей культуры. Это большой, серьезный вызов, говоря по-английски *challenger*, то есть «посылающий вызов», «вызывающий на соревнование». Это также пример того, какую может играть роль культура в жизни общества. И поляки, польские писатели, польские интеллектуалы, это всегда осознавали. У нас культура играла такую же роль. Писатели в XIX веке, особенно эмигрантская польская литература, так называемая Великая эмиграция. Но надо всё-таки осознавать, что у нас, как и у вас, было не совсем нормальное положение в стране, в обществе. В этом ненормальном положении культура призвана находиться на таком высоком пьедестале. Мы, также, как и вы, культуросцентричны, точнее литературоцентричны абсолютно. С одной стороны, культура атакуется, ниспровергается или преследуется властью, с другой стороны — она в большом почете социальном. Сейчас это всё меняется. Вернее, уже

изменилось на глазах. И мы, и вы оказались в ситуации, когда культура — рыночный товар и она должна выдерживать конкуренцию с другими средствами развлечения и времяпрепровождения. Я думаю, это и для нас, и для вас вопрос: как нам найти свое место в этом новом мире, которого мы очень ждали. Мы тосковали по нему, но он действительно нелегкий, непростой. Я думаю, что мы должны с пониманием смотреть друг на друга, обмениваясь опытом, стараясь там, где возможно, помогать друг другу в этой новой ситуации. Но вы в более выгодном положении, потому что вы принадлежите к культуре огромной нации, которая для Запада всегда была более привлекательна, что тут говорить... Что тут говорить — у нас средняя нация, средняя литература. Великая русская литература очень давно сыграла свою большую историческую роль. Чехов стал английским, международным писателем, Достоевский стал пророком нашей современности, он ее предвидел, как известно, все знают Льва Толстого... Русское возрождение — серебряный век, начало XX века. И так далее. У нас таких аргументов нет. Наш польский язык является всё-таки языком более провинциальным. У нас такого широкого выхода в Европу, в мир быть не может, потому что нет у нас таких потенциалов. Поэтому нам надо знать свое место, конечно, где-то на среднем уровне. Так что я думаю, я ожидаю, честно говоря, когда вы немножко очухаетесь, у вас назреет новый скачок, вы можете удивить мир абсолютно чем-то таким, вроде «русского серебряного века». Мне кажется, что это возможно. Я уже сказал полякам, что я предвижу такое. Честно говоря, я не хотел бы быть польским анти-патриотом, но от нас я ожидаю нормальной, более средней экзистенции, без подобных вспышек. Что делать — это есть жизнь. От нас обоих — обоих народов — я ожидаю просто нормального сосуществования культурного в том смысле, что мы будем друг друга переводить, читать, издавать, узнавать и так далее.

— *А как же быть с мифом о Польше как самой романтической стране Европы?..*

— Всё это в прошлом. Это прекрасный миф, но, как сказать... Мифы о русских, тоже в Европе были еще с тех времен, когда они ездили туда до Первой Мировой войны. Они были немножко смешные: богатые, щедрые, всё разбрасывали, их помнили. «Наши за границей» — приблизительно этот синдром... Танечка, это уже все в прошлом. Я думаю, мы уже другие, мы уже не похожи на тех романтических поляков, мы стали гораздо более холодными. Как и вы, сейчас мы очень озабочены трудностями повседневной жизни, экономическими трудностями. Но нам удалось уже немножко

выскочить из этой ямы, вернее, умные люди нас столкнули с трамплина. Лешеку Бальцеровичу я когда-то сказал, что всегда буду его благодарить за то, что он нас «столкнул с трамплина» и мы уже летим. Вы еще не летите, к сожалению, вы все еще топчетесь на этом вашем трамплине. Я понимаю этот ужас, потому что в пропасти не видно, будет ли вода в то время, когда вы долетите, можно ли будет там найти какой-то уровень воды. Но мы уже летим, и результаты налицо. Кажется, некоторые из ваших говорят, когда приезжают к нам: «Зачем нам в Америку ехать?» Ну, конечно, у нас — не Америка для бедных. Конечно, и мы, и вы барахтаемся в этой нашей дыре, и это всё для нас и для вас очень трудно... А стереотипы, они, наверное, постепенно уступят место другим, может быть, более современным стереотипам.

— Но всё-таки, вы знаете, большинство моих собеседников оценивали роль Польши как очень значительную для России, для развития инакомыслия.

— Ну, для развития какой-то определенной группы российской интеллигенции, довольно сублимированной, — возможно. Нельзя сказать, чтобы это шло очень широко. Широко шла противоположная агитация. Вы не можете помнить, потому что вы молоденькая, но простой народ, если честно, охотно воспринимал ее. «Коварные поляки в 1980 году взбесились от жира, мы их кормим, мы их снабжаем, а они, мерзавцы, бунтуют. Захотелось им еще чего-нибудь побольше, и они готовы втравить нас в третью мировую войну. Они заигрывают с немецкими реваншистами...» И так далее. Так что не будем идеализировать образ Польши в сознании большинства россиян. Я знаю, для интеллектуального круга этот образ действительно гораздо более светлый. Он был очень важным, особенно во время оттепели. Где-то какие-то рефлексии от этого еще существуют. Но я бы тоже этого не переоценивал. Сейчас вам гораздо ближе прямо на Запад, чем к нам, скажем честно. Вы уже можете летать. Все мои друзья непрерывно летают куда-нибудь в Европу, в Америку, и многих встретить в России — безнадежное дело. Они только меняют университеты, от которых получают стипендию. А Польша, польская культура — скорее воспоминания о прекрасной молодости поколения детей XX съезда... Если бы это могло быть иначе, если бы мы оказались партнером, желанным даже сейчас, я бы очень радовался. Но я не переоцениваю наших шансов.

— Но все-таки кажется, что Польша по-прежнему, может быть и в меньшей степени, чем раньше, но всё-таки является неким буфером между Россией и Западом.

— Дай Бог, если бы это было действительно так. Действительно, слава Богу, у нас много нормальных контактов международных. То, что раньше было плохо представляемо: приезжают нормальные люди, говорят нормальным человеческим языком, — это уже всё-таки вопрос какой-нибудь четырехлетней давности примерно. Я подумал, что я первую такую группу русскую увидел в 1988 г. примерно. На второй год перестройки люди приезжали и не боялись нормально выступить, выйти на трибуну, говорить, что они думают на разные политические вопросы. Это было феноменальное для меня открытие, потому что я об этих вещах мог говорить только со своими друзьями один на один, а если бы был кто-то незнакомый третий, то мы бы уже этого не говорили. То есть действительно это так, что мы, слава Тебе Господи, имеем больше возможностей общения, но я повторяю: если бы действительно мы могли сыграть такую роль — какой-то связи, какого-то моста, это было бы очень хорошо, даже не только в культурной области, но, возможно, как уже было сказано, в экономической области. Мы могли бы быть для Запада, что-то им объяснять, помогать войти на русский рынок, который мы уже как-то по опыту знали. Потому что это был наш общий социалистический рынок. Возможно, что действительно такая роль где-то и могла бы существовать, но совершится ли она действительно, по-моему, это еще вопрос. И это тоже вопрос для нас — сумеем ли мы использовать эту возможность, воспользоваться ею. Я тоже агитирую моих поляков, чтобы они это больше использовали и думали именно более открыто. Чтобы они вспоминали не только раны, которые болят, не только Катынь и другие вещи страшные, но чтобы они просто думали о будущем, это же очевидно.

— *Когда последний раз вы были в России?*

— Не так давно, на так называемом «Славянском конгрессе». Когда получил приглашение в нем участвовать, я подумал: ну что ж, «славянский конгресс» — идея бесспорная, в смысле абсолютно реальная. Что получается? Во-первых, рухнул коммунизм, есть идеологический вакуум, как известно. Религия? Все интересуются религией, но она не вполне способна этот вакуум заполнить. Видимо, власть решила, что надо на что-то опереться — не антагонистическое и положительное. Почему бы и нет? Стоит посмотреть. И поехал. Вообще-то я не верю ни в какую «славянскую идею» сейчас, потому что это все в прошлом. Это было придумано в XIX веке для сопротивления. Но сейчас, вероятно, может быть востребована некая «славянская идея» как что-то такое приятное и теплое. Приехал, увидел — ничего подобного. На

деле конгресс оказался сплошным засильем националистов. Правда, увидел, что и уважаемый Сергей Борисович Станкевич там сидит. Но о нем тогда уже начали говорить, что он сильно в эту сторону склоняется. А вокруг него «сброд тонкошеих вождей», как писал Мандельштам — самая отпетая орава. В моей секции продефилировали все эти люди начиная с Проскурина, великого классика русской литературы, с Белова — к сожалению, Распутина — тоже к сожалению, какого-то Аксючица и иже с ними. Я пытался дать им бой и вообще ввязался с ними в словесную драку. Но это была только одна из секций, которая имела какое-то значение. Другие братья-славяне, справедливости ради надо сказать, все-таки слегка подавленные этой обстановкой, сидели тихо. На пленарных заседаниях вообще никого не допустили до выступлений, исключительно только вот эти ребята задавали тон. Всё было очень определено — тоска по разваливающейся империи. В духе сороковых годов. Мне иногда казалось, что это страшный сон. Они клеймили президента Буша за то, что он «подавляет миролюбивых сербов». И объявляли, что надо бы сербам оказать помощь. А сербы резвились и были очень рады, конечно, что они до такой высокой планки подтянулись... То есть это было ужасное зрелище. Я потом написал письмо протеста Станкевичу от имени всей польской делегации. Он мне, конечно, не ответил. Это такой старый большевистский обычай — не отвечать. А пока нет переписки — нет дела. Ну, и так — посмотрим, что будет дальше, будет ли что-то такое на будущий год, потому что тогда уж надо знать и готовиться. Мое мнение такое, я даже сказал вашему министру культуры, который тоже там был, что вообще надо сейчас воспользоваться оказией, не надо уступать поля, а надо идти на драку, только зная, что нас ожидает. На этом первом конгрессе мы, действительно, были врасплох застигнуты. Славянская идея сегодня с подачи этих господ — это как раз тот же панславизм, только немножко перекрашенный.

— *Раз уж вам суждено развеять все мифологемы, как быть с нашей многолетней любовью к польскому кино?*

— С того времени польское кино уже не на таком же высоком уровне. Действительно это было, а потом, конечно, этот уровень уже значительно упал, ничего не поделаешь. В области кино во всем мире есть очень большой кредит для поляков как таковых. Это было вообще очень небезопасно в свое время, потому что приезжали очень плохие поляки, а их принимали очень доверчиво, потому что они были поляки...

Сейчас уже нет большого смысла об этом вспоминать, но и в мире кино была одна нашумевшая история, когда в каком-то московском салоне случился скандал из-за доноса кого-то из польской делегации. Всех потом вызывали в КГБ и всем не без удовольствия сказали «конфиденциально», что это именно польский участник — имярек такой-то — «настучал на всех вас»...

Есть поляки и поляки, как в каждой нации. В семье не без урода. Но, действительно, кредит среди московской и, скажем, петербургской, вообще русской интеллигенции высококвалифицированной у нас был, и в какой-то степени остается. И чувство ответственности перед поляками, каких-то заведомых обязательств перед поляками как таковыми.

— *И чувство вины.*

— Да-да, и обязательное чувство вины. По этому поводу у меня есть только одна реплика. Я помню, как Надежда Яковлевна Мандельштам мне рассказывала, что она ничего грустнее в своей жизни не читала, чем одна книга, которая была тогда, с ее слов, настольной книгой всех московских интеллигентов. Это была книга протоколов допросов Муравьева-вешателя, 1864-1865 гг. в Вильно, во время подавления польского восстания. И вот она мне это сказала. Она, Надежда Яковлевна, которая и знала, и пережила, и читала уже, и слышала такие гнусности, такие страшные вещи в своей жизни... «Все тогда буквально... буквально в каждом доме моих друзей лежала эта книга на столе. Все ее читали, и все очень сопереживали...» Вот если бы можно было сказать, что у нас есть такое же понимание страданий русских и других наций, например во время советской власти, — надо было бы знать. Но я не могу этого сказать. Скорее беспрерывно предъявляют наши счета, считая, что мы исключительно пострадали. Но ведь если посмотреть правде в глаза, то это только капля в море...

Интервью записано Татьяной Косиновой 7 ноября 1992 в Познани, в Театре Восьмого дня.

Анджей Дравич (1932-1997) историк и переводчик русской литературы XX века, участник независимого издательского движения, во время военного положения — интернированный.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ О РОССИИ

Анджей Дравич, один из лучших польских специалистов по русской литературе XX века, в прошлом году издал в Варшаве книгу, озаглавленную «Вопросы о России»^[1]. Это была первая его книга после долгих лет вынужденного молчания, но и она вышла не в официальном, а в независимом издательстве («Кронг» — «Круг»). Однако времена для него во всех отношениях поворачивались к лучшему: отпало запрещение на публикацию в официально издаваемой периодике, можно было ожидать, что наконец будет снят цензурный запрет с его монографии о «Мастере и Маргарите», наконец-то Анджей Дравич смог вернуться к любимой преподавательской работе, хотя и не в Варшавском университете, где прежде работал, а в Ягеллонском (Краковском). Нынче все это в прошлом.

В момент, когда я пишу эту рецензию, Анджей Дравич «интернирован». Странный термин — такой же странный, как сама эта война, которую поляки окрестили «польско-ярузельской». Польская энциклопедия объясняет интернирование как «принудительное помещение в назначенном месте пребывания, соединенное с запретом покидать это место (страну, местность, лагерь); часто применяется во время войны воюющими государствами по отношению к гражданам противной стороны, а нейтральными государствами — по отношению к воинским частям и военным лицам воюющих государств, которые оказались на их территории, а также кораблей, отказавшихся покинуть нейтральный порт». Польский (пээнэровский) Военный совет «национального спасения», применив интернирование к гражданам ПНР, откровенно продемонстрировал, что польское общество, польский народ действительно является для генералов от партии «противной стороной», что своей-то стране коммунистическая хунта и объявила войну.

Анджей Дравич (я опять подчеркиваю — в марте, когда я это пишу) находится в привилегированном (без кавычек) лагере, в бывшем армейском доме отдыха Явоже, куда, заботясь о своем престиже, власти свезли наиболее известных представителей интеллигенции. Тем не менее это лагерь — и тоже без всяких кавычек, и еще неизвестно, куда ведет путь из этого лагеря: в

насилованную эмиграцию или под суд — выход на свободу власти пытаются обусловить заявлением о лояльности, и нередко случаи ареста (уже не интернирования, а настоящего ареста, с обвинением и подготовкой процесса) людей, едва успевших освободиться.

Чем же так опасен польскому военному коммунизму литературовед Анджей Дравич?

Французские слависты, выступившие в защиту своих интернированных польских коллег, в своем открытом письме отметили, что среди заключенных на удивление много тех, кто посвятил себя распространению в Польше ценностей подлинной русской литературы. Подобный же парадокс ранее, еще до «войны», отмечал Виктор Ворошильский: выступая в конце октября 1981 г. в Русском культурном центре в Монжероне, он обратил наше внимание на то, сколько исследователей и переводчиков русской литературы оказалось среди тех, на чье имя во второй половине 70-х в Польше был наложен запрет.

С одной стороны, обязательное изучение русского языка в школе и во всех без исключения вузах (отмененное демократически выбранными вузовскими советами в 1981 г. и теперь вновь восстановленное) — как всякая принудилка, способное лишь отбить охоту читать что бы то ни было, написанное кириллицей. С другой — изгнание лучших русистов с кафедр и со страниц журналов и книг и полное воцарение наихудших образцов советской русистики (в рецензируемую книгу Анджей Дравич включил статью, выразительно озаглавленную «На дне русистики», — в ней он показал, что советские литературоведы, которые в ПНР курируют преподавание русской литературы XX века и книги которых переводятся на польский, принадлежат к школе, которая даже в СССР заслужила репутацию непроходимо ретроградской). Все это, вне сомнения, преследует цель полной подмены образа русской культуры, русской литературы — «культурой» и «литературой» советской.

В этих условиях книга Дравича — почти учебник. Хотя это и не монографический курс по современной русской литературе, а сборник статей, написанных в разное время, тем не менее здесь охвачены многие важнейшие аспекты ее нынешнего состояния. В книгу вошли статьи:

«Вопросы о России (из которых важнейший остается без ответа)» — о подлинной литературе, которая «защищает честь русской культуры на тесной и ограниченной почве,

определяемой зоркими и активными читателями, способными искать, выбирать и оценивать», и о псевдолитературе, которая «сама идет в руки читателей неопытных и наивных, все увеличивая размах и глубину наносимого ущерба»;

«Зарубежная Россия». Русский перевод этой статьи, опубликованной сначала, как и некоторые другие из статей сборника, в независимом журнале «Запис», появился в «Континенте» № 27;

«Попытка “Метрополя”»;

«Чудище у знамени (или Об определенной практике неосталинизма)». Эта статья о послехрущевской литературной сталинииане интересно и справедливо толкует неосталинизм в советской литературе и партийно-государственной жизни как феномен, где сам Сталин не важен, где призрак чудища у (не на) знамени понадобился, чтобы «залатать хрущевскую дыру», восстановить «без потерь» непрерывность режима, укрепить его в его внутреннем застое и заодно, хотя и не откровенно, найти наилучшего патрона внешней агрессии;

«Письмо Владимиру Богомолу» — горькое свидетельство об искажении исторической правды талантливым писателем;

«На дне русистики (или Об одном учебнике и не только о нем)»;

«Булгаков, или Школа отказа». Дравич не случайно выбрал «Мастера и Маргариту» объектом своей докторской диссертации и большой монографии — здесь же, сжато анализируя творчество М.Булгакова в целом, он рассматривает его «главную книгу» как сумму всего опыта писателя, сумму не в арифметическом, но в средневековом, метафизическом смысле;

«Мандельштамы» — эссе памяти Н.Я.Мандель-штам;

«А что за пределами России?.. “Советское” — не обязательно “русское”». Как в «Зарубежной России» Анджей Дравич исправлял распространенное в Польше (и не только в Польше) смешение советского с русским, давая малоизвестный польскому читателю образ русской литературы и журналистики за пределами СССР, так здесь он исправляет другой вариант этого смешения (тот, о котором Буковский пишет, что для Запада мы все — «от молдаванина до чукчи» — русские). Описывая огромное по объему поле национальных литератур, исследователь поневоле фрагментарен, однако общая картина убедительна. Он напоминает читателю, что

объект разговора — «...созвездие различных явлений, объединенных общей территорией и общей судьбой. В сумме здесь много весьма интересных вещей, без всякой скидки, но располагаются они неравномерно».

Существенны замечания Дравича о роли русского языка для писателей больших и малых народов. Он — и средство русификации, и в то же время средство выхода в широкий мир. Отмечая, что в Азии или Африке есть писатели, пишущие на языке бывших колонизаторов и не теряющие при этом своего национального лица, А.Дравич говорит:

«Функции этих языков уже стали бесконфликтными. Функции русского языка на советской территории не бесконфликтны. Можно вообразить себе положение, при котором он был бы просто удобным, универсальным связным между народами и выполнял бы эту роль только с пользой. Но пока — лишь вообразить...»

Я превратила рецензию почти в реферат, но (не говоря уже о том, что не так много русских читателей читает по-польски) книга Анджея Дравича в условиях арестов и обысков рискует стать библиографической редкостью. Поэтому форма реферата (репортажа?) показалась мне наиболее адекватной, чтобы воздать должное заключенному автору.

«Континент» №32, 1982

1. Andrzej Drawicz. Pytania o Rosje. Warszawa, «Krag», 1981.